

**Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке:
лингвогеографический аспект
(на основе лингвистической платформы «ЛингвоДок»)**

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН (Москва); adybo@mail.ru
Малышева Нинель Васильевна, Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова (Якутск); ninel_malysheva@mail.ru
Тимофеева Айталиня Владимировна, Северо-Восточный федеральный университет
имени М. К. Аммосова (Якутск); aitalina0895@gmail.com
Легусина Ульяна Николаевна, Институт системного программирования
им. В. П. Иванникова РАН (Москва); ulegusina@mail.ru

Диалектная фитонимическая лексика представляет собой репрезентативный материал для лингвогеографического исследования. Денотатами ботанической номенклатуры являются конкретные объекты (растения), привязанные к определенной территории, что позволяет нам проследить связь между лингвогеографической картиной распространения названий и картиной распространения растений. Настоящая работа продолжает этимолого-ономастическое исследование якутских фитонимов, начатое в статье «Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке» (Урало-алтайские исследования. 2025, 1 (56)). В ней проводится комплексный лингвистический и историко-этнографический анализ этих лексем и устанавливается их географическое распределение с помощью функции картографирования на платформе «ЛингвоДок» (загружено более 30 диалектных мини-словарей, построены лингвистические карты). Исследование подтвердило, что фитонимы содержат в себе обширную информацию, соответствующую биологическим (ареалам произрастания), историческим и этнографическим (местам проживания этносов) реалиям. Полученная нами информация о протекавших на территории Якутии языковых процессах коррелирует, в частности, с этапами образования диалектной системы якутского языка: исконная тюркская лексика — монгольские заимствования (период до прихода на Среднюю Лену) — эвенкийские заимствования (примерно начиная с этапа освоения Средней Лены и последующего расселения) — заимствования из других тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков (видимо, в ходе более поздних региональных контактов) и русские заимствования.

Ключевые слова: якутский язык, фитонимы, ботаническая номенклатура, лингвогеография, диалектная система, этимология, географическая локализация

**DIALECT NAMES OF TREES AND SHRUBS IN THE YAKUT LANGUAGE:
LINGUISTIC AND GEOGRAPHICAL FEATURES (BASED ON “LINGVODOC” LINGUISTIC PLATFORM)**

Anna V. Dybo, Institute of Linguistics RAS (Moscow); adybo@mail.ru
Ninel V. Malysheva, North-Eastern Federal University in Yakutsk; ninel_malysheva@mail.ru
Aitalina V. Timofeeva, North-Eastern Federal University in Yakutsk; aitalina0895@gmail.com
Uliana N. Legusina, Ivannikov Institute for System Programming of the RAS (Moscow); ulegusina@mail.ru

Dialectal phytonymic (plant-related) vocabulary typically serves as valuable material for linguo-geographic research. The referents of botanical nomenclature are concrete objects (plants) tied to specific territories, allowing us to establish connections between the linguo-geographic distribution of plant names and the actual distribution of the plants themselves. Based on prior etymological and onomasiological research of dialectal names for trees and shrubs in the Yakut language — published in the article *Dialectal Names of Trees and Shrubs in the Yakut Language* in Issue No. 1 (56) of the journal *Ural-Altaic Studies* — this paper conducts a comprehensive linguistic and historical-ethnographic analysis of these terms and maps their geographical distribution using the cartography function on the *LingvoDoc* platform (over 30 dialectal mini-dictionaries were uploaded, and linguistic maps were constructed). The study reveals that phytonyms contain extensive information corresponding to biological (growth ranges), historical, and ethnographic (ethnic settlement areas) realities. The data we obtained on linguistic processes in Yakutia correlates, in particular, with the stages of formation of the Yakut dialectal system: Native Turkic vocabulary — Mongolian borrowings (before migration to the Middle Lena region) — Evenki borrowings (approximately from the time of settlement along the Middle Lena and subsequent expansion into other areas) — borrowings from other Tungusic and Paleo-Asiatic languages (likely during later regional contacts) — borrowings from Russian.

Keywords: Yakut language, phytonyms, botanical nomenclature, linguo-geography, dialectal system, etymology, geographical localization

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 25-78-30006 «Языки и культуры народов Севера и Арктики Российской Федерации: комплексные социогуманитарные исследования (на основе анализа больших данных)».

I. Введение

Диалектная лексика якутского языка образует уникальный пласт, включающий слова народной номенклатуры, отражающие когнитивные особенности, культурное освоение территорий и мировоззрение носителей. Особую значимость она приобретает как источник историко-лингвистической информации о якутском языке и соседних этнических сообществах, поскольку диалектизмы часто сохраняются в локальных ареалах языкового взаимодействия, фиксируя формы, остающиеся за пределами внимания этимологов и словарных норм. В этом контексте наиболее уязвимой оказывается фитонимическая лексика, подверженная двойной угрозе: со стороны климатических изменений, трансформирующих растительный покров Якутии, и со стороны глобализационных процессов, ускоряющих вытеснение диалектных форм литературными аналогами.

Настоящая статья является логическим продолжением предыдущей публикации [Дыбо и др. 2025], где были представлены результаты этимологического и ономазиологического анализа диалектных наименований деревьев и кустарников в якутском языке. В данной работе с помощью функции картографирования на платформе «ЛингвоДок», на которую загружено более 30 диалектных мини-словарей и построены лингвистические карты, устанавливается географическое распределение диалектных фитонимов.

Кроме того, как справедливо отмечает Ю. В. Норманская, принципиальное отличие изучения фитонимов заключается в том, что «денотат ботанической номенклатуры достаточно хорошо изучен биологами и существует в действительности как набор конкретных объектов, привязанных к определенным территориям» [Норманская 2006: 387]. Благодаря этой географической привязке представляется возможным определить по наименованиям растений географическую локализацию прародины якутов.

Цель настоящего исследования — установить и объяснить соответствия между географическими, ботаническими реалиями и лингвистическим, этимологическим аспектами некоторых диалектных наименований деревьев и кустарников в якутском языке, используя различные лингвистические методы и цифровые возможности платформы «ЛингвоДок».

Путем построения лингвистических карт мы ставим перед собой следующие задачи:

- 1) проанализировать географическое распределение этимологических пластов в фитонимах для отражения истории развития диалектной системы якутского языка;
- 2) рассмотреть географическое распределение типов мотивации в названиях деревьев и кустарников якутского языка.

Следует оговорить, что решение первой задачи носит предварительный характер, поскольку те диалектные названия растений, которые мы берем из опубликованных диалектологических источников, обычно не имеют четких ботанических определений, и установить их можно было бы только в результате совместной работы ботаников и диалектологов, подобной той, которая легла в основу труда [Ачимова 2007] и которая для якутского языка остается делом будущего.

II. Источники и методы исследования

Настоящая работа основана на комплексном анализе 185 фитонимов якутского языка, обозначающих 18 видов древесно-кустарниковой растительности Якутии. Исследование охватывает как широко распространенные виды (*Larix gmelinii*, *Betula platyphylla*, *Pinus sylvestris*), так и менее распространенные, но значимые в традиционной культуре растения (*Rosa acicularis*, *Padus avium*, *Juniperus sibirica*), а также один неидентифицированный таксон, требующий дополнительного изучения. Географическая стратификация материала позволила установить ареальное распределение фитонимов: 112 единиц с четкой территориальной привязкой (15 улусов Якутии и сопредельные регионы) и 73 единицы с недифференцированным ареалом (маркированы как «диал.» без конкретизации; их фонетические особенности не позволяют установить диалектную принадлежность).

Источниковая база включает: 1) лексикографические источники (15-томный толковый словарь якутского языка под редакцией П. А. Слепцова, словарь Э. К. Пекарского, диалектологические словари); 2) биологические справочники (флористические сводки, определители лекарственных растений); 3) этнографические материалы (труды А. Е. Кулаковского, современные этнолингвистические исследования); 4) полевые данные экспедиций 2017—2023 гг., в том числе собранные в рамках проекта по документированию языкового разнообразия Арктики.

Отбор материала проводился методом сплошной выборки с применением строгих критериев: включены только собственные названия конкретных растений; исключены родовые понятия и заимствованные ботанические термины.

Для анализа использован комплекс методов: 1) семантико-мотивационный анализ (выявление моделей номинации, классификация по лексико-семантическим группам); 2) структурный анализ (морфемная сегментация, словообразовательные типы); 3) ареальные исследования (картографирование изоглосс, выявление контактных зон); 4) количественные методы (частотный анализ, статистическая обработка); 5) сравнительно-исторический анализ (этимологические реконструкции, выявление хронологических пластов). Такой подход позволяет создать целостную картину, сочетающую системное описание фитонимической лексики, реконструкцию номинационных процессов и документирование исчезающих диалектных форм, что представляет ценность как для лингвистики, так и для смежных дисциплин — этнографии, ботаники и исследований традиционного природопользования.

Для сопоставления ареала фитонима с географией произрастания соответствующего растения основным источником послужила работа П. А. Тимофеева «Деревья и кустарники Якутии» [Тимофеев 2003], содержащая четко структурированную и исчерпывающую информацию о деревьях и кустарниках Якутии. В ходе анализа было установлено, что квазисинонимичные (характеризующие один и тот же род растения) народные наименования практически не соотносятся с научной ботанической классификацией видов, произрастающих на территории Якутии и прилегающих территориях. Отчасти это может быть связано с отсутствием совместных работ ботаников и лингвистов по сбору народных названий растений; обычно в диалектологических словарях даются довольно общие значения фитонимов. Несмотря на это, для наглядности выявленного несоответствия и для последующего анализа семантических переходов в работе приводятся современные научные названия соответствующих видов. Ботаническая классификация также необходима для характеристики типов семантических сдвигов.

Диалектологической основой исследования послужили фундаментальные труды ведущих специалистов в области якутской диалектологии. Ключевыми для нас стали исследования М. С. Воронкина [Воронкин 1983; 1999], С. А. Иванова [Иванов 1993; 2004], Е. И. Коркиной [Коркина 1987; 1990; 1992] и Е. И. Убрятовой [Убрятова 1960], в которых представлен систематизированный анализ диалектного материала, собранного в ходе многочисленных экспедиций и полевых работ. В них обобщены данные, полученные как указанными авторами, так и другими исследователями якутских говоров.

В своей работе «Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика» М. С. Воронкин пишет о двухэтапном процессе формирования диалектов в якутском языке. Этап I (до второй половины XVII в.) — дорусский — связан с первоначальным расселением носителей якутского языка на территории Средней Лены. Этап II (вторая половина XVII в. — 1920-е гг.), начавшийся после вхождения Якутии в состав России и продолжавшийся до Великой Октябрьской революции, характеризуется миграцией групп якутов из Средней Лены в разные стороны из-за различных факторов [Воронкин 1999]. Основной причиной переселения, как считает исследователь, стал социально-экономический фактор: «непосильные ясачные поборы, грубый произвол царского самодержавия и не менее тяжкие притеснения местных тойонов» [там же: 24]. Группы якутов, переселившиеся в другие районы Якутии и соседние регионы России, вступали в тесные контакты с коренными народами Севера (преимущественно тунгусскими родами), что привело к активным процессам культурного и языкового смешения и в конечном итоге к образованию четырех диалектных групп.

Для географической привязки фитонимов мы используем диалектное членение, принятое в [ДСЯС 1995] и детализированное в работах М. С. Воронкина и Е. И. Коркиной:

- 1) северо-западная группа говоров: долганский таймырский диалект и есейский говор якутского языка — за пределами республики; анабарский говор (с юрюнг-хаинским подговором), оленекский (с эйикским подговором), булунский и жиганский говоры, из которых два последних переходные;
- 2) вилуйская группа говоров: вилуйский (с заречным подговором), нюрбинский, сунтарский (с садынским подговором) говоры; территории Олекминского, Ленского и Кобяйского периферийных районов, относящиеся по всем признакам к данной языковой группе;
- 3) центральная группа говоров: территории Намского, Горного, Орджоникидзевого, Амгинского, Мегино-Кангаласского, Усть-Алданского, Алексеевского, Чурапчинского и Усть-Майского районов, которые пока не расчленены на говоры [Воронкин 1983: 79—80];
- 4) северо-восточная группа говоров: верхоянский говор с саккырырским подговором; колымский говор, объединяющий подговоры Нижнеколымского, Среднеколымского и Верхнеколымского районов; оймьяконский говор, распространенный на территории Оймьяконского района, а также якутоязычных районов Магаданской области; усть-янский говор населения Усть-Янского и Аллаховского районов; индигирский говор населения Момского и Абыйского районов [Коркина 1992: 12—14].

Приведем результаты проведенных ранее этимологического и ономазиологического анализа (по данным предшествующей публикации).

Наиболее распространенные виды деревьев и кустарников обладают наибольшим количеством диалектных вариантов названий, например: семейство ивовые — 37 фитонимов, сосновые — 31 фитоним.

Большинство рассмотренных фитонимов (59%) образовано по мотивационным признакам. Установить связь между таким способом образования и географическим распределением не представляется эффективным, поскольку данный способ номинации растений универсален для всех диалектных групп (и, по-видимому, для всех языков мира).

Некоторые проанализированные исконные лексемы, являясь диалектизмами, отражают характерные фонетические особенности соответствующих говоров.

На основе анализа 127 наименований деревьев и кустарников якутского языка были выделены три группы: 1) синхронно немотивированные названия, восходящие к общетюркскому фитониму; 2) синхронно мотивированные (с опознаваемой внутри якутского языка внутренней формой) фитонимы (в том числе такие, внутренняя форма которых включает заимствованные слова) и 3) синхронно немотивированные фитонимы — заимствования.

Синхронно немотивированные названия, восходящие к общетюркскому фитониму, — 15 л. е. (12%).

Заимствования (29%) распределены по этимологическим пластам: монгольские — 3 л. е. (2%), тунгусо-маньчжурские — 20 л. е. (16%) и русские — 11 л. е. (9%); возможно, также юкагирские — 3 л. е. (2%).

Синхронно мотивированные названия (59%):

— собственно якутские — 56 л. е. (44%);

— на основе заимствований из:

тюркского языка саянской группы — 1 л. е. (1%);

юкагирского языка — 1 л. е. (1%);

монгольских языков — 8 л. е. (6%);

русского языка — 5 л. е. (4%);

тунгусо-маньчжурских языков — 3 л. е. (3%, включая одно негидальское).

Далее географическое распределение исконной и заимствованной лексики будет рассмотрено подробнее с помощью карт, построенных в системе «ЛингвоДок» на материале ее мини-словарей. Мы отдельно исследуем географию распространения собственно заимствованных (немотивированных с точки зрения якутского языка) названий деревьев и географию использования заимствованных слов в составе названий растений. Как упоминалось выше, диалектная привязка известна для 112 слов. Карты носят несколько условный характер, поскольку для большинства фитонимов из диалектологических источников неизвестен точный населенный пункт записи, указан только административный район. В связи с этим локализация производилась по координатам административного центра ныне существующего или ранее существовавшего района. Фитонимы из общезакутских источников без диалектных помет были условно привязаны к Якутску. В то же время общезакутские фитонимы, засвидетельствованные в составе сложных диалектных названий и иных диалектных композитов с очевидной внутренней формой, считаются употребительными в соответствующих диалектах и локализованы также в этих точках.

III. Географическое распределение этимологических пластов

1. Собственно якутские названия растений, восходящие к общетюркским

Примечание. В данный раздел внесены три уточнения к этимологизациям, предложенным в предыдущей статье.

а) Этимология **титирик** ‘лиственница, молодая лиственница’ (Центральная диалектная зона); *титирик арбай* Бод. ‘лиственничная заросль’ [ДСЯС 1995: 187]; долг. *titirik* ‘лиственница, хвойное дерево, саженец’ [Stachowski 1998: 239]. В настоящее время мы считаем эту лексему внутриякутским производным от глагола *titirä-* ‘дрожать, трепетать’, долг. *titirä-* ‘zittern’, восходящего к ОТю. **titire-* [Stachowski 1993: 223].

б) Этимология **тэтин** лит. ‘осина’, Вил. ‘осина (*Populus tremula* L.)’ [Кулаковский 1979: 435]¹; Кол. ‘молодой тополь’ [ДСЯС 1995: 201]. Мы склоняемся теперь к точке зрения С. Калужинского, согласно

¹ Источник А. Е. Кулаковского здесь — работа о Вилюйском округе [Маак 1886: 297]. По данным на 1896 г. в состав этого округа входили Верхневилуйский, Мархинский, Средневилуйский, Сунтарский улусы; включал территорию Нюрбинского района. Олекминский округ был тогда самостоятельной административной единицей, а земли современного Ленского района (с. Мухтуя на месте Ленска) входили в Иркутскую губернию.

которой это мотивированное название, основанное на заимствовании из монг. (ср. письм.-монг. *tetegei* ‘дрожащий, дребезжащий от стужи’, халха *тэтгий*, бур. *тэты*, калм. *тет²гѣ*) [Калужинский 1995: 332].

Мотивация фитонима в обоих случаях одна и та же.

в) Этимология общеякутского *отон* ‘ягода’. По устному сообщению Ю. Янхунена, данное слово предпочтительнее считать заимствованием в протоякутский из южносамодийского до выхода на Среднюю Лену, во время пребывания в Южной Сибири (см. [VEWT 1969: 367; Janhunen 1977: 177]).

Исконные общетюркские фитонимы, несмотря на относительную малочисленность (12%), демонстрируют общеякутское распространение (см. рис. 6).

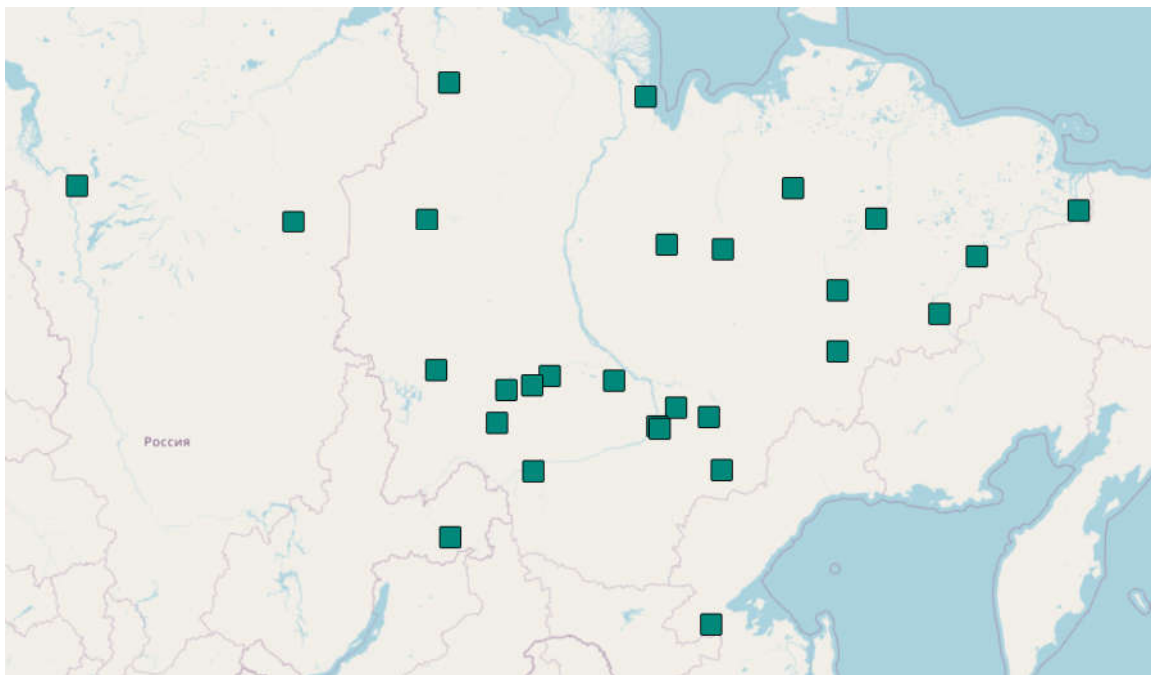

Рис. 1. Якутские названия деревьев и кустарников, восходящие к общетюркскому состоянию (https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/csaQv)

На карте отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Тиит лит. ‘лиственница’; Долг. *tīt* ‘лиственница; большое дерево; шест’ (‘Lärche; grosser Baum; Pfahl’ [Stachowski 1993: 224]; Инд. *арык тиит* ‘священная лиственница с густыми ветвями, к которой никто не прикасается’ [ДСЯС 1995: 42]; Ойм. *чабыллах тиит* ‘крупное ветвистое дерево с толстым основанием’ [там же: 230]; Верх. *уһун дьылыгырас тиит* ‘высокая стройная лиственница’ [ДСЯЯ 1976: 102], *суон тиит* ‘старая толстая лиственница’ (инф. KB3), *баарабай тиит* ‘старая, крупная лиственница’ (инф. KB3); Сакк., С.-Кол. *уолах тиит* ‘большая толстая лиственница’ [там же: 260]; Уд. *тиитчээн* ‘молодая лиственница’ [ДСЯС 1995: 186] < як. *тиит* ‘лиственница’ + Dimin. -чээн.

Бэс лит. ‘сосна’; Сунт. *бэстээх балык* ‘похлебка из соснового луба и голяна’ [ДСЯС 1995: 85], *туорум бэс* ‘сложенная рядами содранная с сосен кора’ [там же: 195]; Бод. *Бэс күөлэ* топоним (букв. ‘Сосновое озеро’?) [там же: 55].

Харыйа лит. ‘ель’; Долг. *karyja* ‘пихта, сосна (Fichte, Kiefer)’ [Stachowski 1998: 142]; Сунт. *харыйа* ‘ель’ в сочет. *хонуу харыйата* ‘полынь замещающая, Artemisia commutata’ (букв. ‘полевая елочка’) [ДСЯЯ 1976: 383], *харыйа от* ‘подорожник’ [там же: 382]; Татт. *харыйа* ‘ель’ в сочет. *харыйа эрбэһин* ‘полынь замещающая, Artemisia commutata’ (букв. ‘еловая полынь’) [там же: 383]; Нюрб., В.-Вил. *харыйа от* ‘щавель морской’, Вил. *харыйа от* ‘пижма’ [там же: 382]; Бод. *харыйа* ‘ель’, в сочет. *харыйа отуу* ‘шалаш из еловых веток’ [ДСЯС 1995: 219]; Уд. *танса харыйа* ‘пихта’ [ДСЯЯ 1976: 235].

Үөт лит. ‘ива’; Долг. *үйөт* ‘ива (Weide)’ [Stachowski 1993: 252]; Ан., Верх., Ес. *үөт* ‘ива-сушняк’ [ДСЯЯ 1976: 269], С.-Кол. ‘высохшее ивовое дерево’ (инф. КИМ).

Талах лит. ‘ива, кустарник’; Долг. *talak* ‘куст; ивовый куст’ [Stachowski 1993: 216]; Инд. *хорон талах* ‘заросли тальника, растущие в тенистых местах’ (букв. ‘жесткий, грубый тальник’) [ДСЯС 1995: 226], *быа талах* ‘тальник, пригодный для связки чего-либо’ (букв. ‘веревка-тальник’) [там же: 57]; Кол. *талах* ‘ольха Юх.’ [Пекарский I: 2536]; В.-Кол., С.-Кол., Н.-Кол. *дыахтар талаба* ‘ольха’ (букв. ‘жен-

ский тальник'); В.-Кол. *бэчэрик талах* 'тонкий, гибкий тальник' [ДСЯЯ 1976: 82], *ыман талах* 'вид тальника' (букв. 'тонкий тальник') [там же: 312]; Верх. *сахха талаба* 'ива сухолюбивая' [там же: 205], *һахха талаба* 'вид ивы' [там же: 226]; В.-Кол. *сахха талаба*, *сахха талаба* 'ива сухолюбивая', С.-Кол. *сахха талаба* 'вид ивы' [там же: 205] (букв. 'якутская ива'). Вил., М.-Канг., С.-Кол., В.-Вил., В.-Кол. *миньнык талаба* 'береза тощая' (букв. 'веничный тальник') [там же: 159]; М.-Канг. *сиппиир талаба* 'береза тощая' (букв. 'веничный тальник') [там же: 207]; Олекм. *ылаах талах* 'похожий на рябину тальник с мелкими ягодами, пахучий тальник' (букв. 'пахучий тальник') [ДСЯС 1995: 245].

Тирэх лит. 'тополь', Инд. *тирэх* 'речная ива' [ДСЯС 1995: 186]; Сунт. *тирэх* 'дерево'? (в составе *тирэх мас* 'козлы для пилки' (букв. 'деревяшка для дерева') [там же: 187]; Бул. *тирэх аһа* 'красная смородина' [там же: 186], Верх. *тирэх отоно* 'черная смородина' (инф. ЮВИ) (букв. 'кустовая ягода?').

Былах лит. 'белая ива'; *былах* Верх. 'один из видов ивы, белая ива' [ДСЯЯ 1976: 77].

Хатын лит. 'береза', Долг. *katyuj* 'береза (дерево)' [Stachowski 1993: 141]; Ес. *катын* 'береза' [Чорду 2011: 147]; Олекм. *хатын* 'березовая роща'; Сунт. *хатын харыыта* 'березовый луб', *хатын ымынаба* 'чага'; Сад. *хатын үөһэ* 'чага'; Бод. *хатын төкөнөтө* 'чага' [ДСЯС 1995: 221]; У.-А. *хатын* 'береза' (в примере под *ыт мунна*) [ДСЯЯ 1976: 316]; Кол. *хатын силиргэбэ* 'корневое утолщение березы' [ДСЯС 1995: 221].

Сухук лит. 'ольха'; Долг. *sisik-tāk* 'ольховый (Erlen-)' [Stachowski 1993: 210]; Аллаих. *сухук аһа* 'красная смородина', Татт. *сухук аһа* 'черемуха', Усть-Ян. *сухук аһылыга* 'красная смородина' [ДСЯЯ 1976: 209] (букв. 'ольховая (кустовая?) ягода').

Кытыан лит. 'можжевельник', Уд. *китиэн* тж. [ДСЯС 1995: 85], Ес. *кытыан* тж. [Воронкин 1966: 129].

Сымырыт 'черемуха (*Prunus padus*)' [Пекарский II: 2461]; У.-М. *сымырыт* 'черемуха' [ДСЯЯ 1976: 221]; Уд. *сымириит* 'черемуха' [ДСЯС 1995: 170], Т.-Ч. *симириит* 'черемуха' [Васильев 1987: 19], *сэмэриит* 'черемуха' [Васильев 1987: 25; ДСЯС 1995: 172].

Сугун 'голубика' — лит. *сугун абабата* (букв. 'голубичный дядя'), *тураах сугуна* (букв. 'журавлиная голубика') 'жимолость' [БТСЯЯ XI: 158]; Долг. *hugun* 'голубика (*Blaubeere*)'; ягода вообще' [Stachowski 1993: 111]; Сунт., У.-М. *сугун* 'ягода жимолости' [ДСЯЯ 1976: 249], У.-А. *сугун* 'арктоус красноплодный'; Вил., Олен. *ыт сугуна* 'жимолость' (букв. 'собачья голубика') [ДМВ 1966: 71]; инф. КЕН, Оленекский р.-н. Этимология: по-видимому, восходит к ОТю. **jilgun* 'вид кустарника: гребенщик?' [ЭСТЯ 1989: 277; TMN 4: 266]; фонетические трудности (ПТю. **lg* в якутском обычно переходит в -л-, ср. **jālgā*- 'лизать' > як. *салаа*-, **bulga*- 'перемешивать' > як. *bilā*-) разрешимы, если привлечь в этимологию абак. *нугун-ук* 'черника (*die Schwarzbeere*)' [Вербицкий 1884: 212 (абаканское); Радлов 1905: 704 (сагайское)]. Эта хакасская форма может восходить к **jungun*. Следовательно, допустимо предположить, что якутское слово восходит к той же праформе, т. е. со спорадической ассимиляцией срединного [lg] конечному носовому, и фонетическое развитие в якутском — такое же, как в слове *soyot-ox* < **ja(l)nguz* 'одинокый' (хак. *naγis*) [VEWT 1969: 187; ДТС 1969: 235; ЭСТЯ 2000: 98]. Развитие семантики в якутском (как и в хакасском), вероятно, объясняется тем, что оба растения являются ягодными кустарниками (см. [Малышева 2024: 327]).

Приведем фрагмент карты «Дерево» из готовящегося лексикологического тома Электронного атласа диалектов тюркских языков (рис. 2). Карта отражает выражение концепта «90. Tree. Дерево как живой организм, растущее дерево» (приблизительные контексты: *Вон растет высокое дерево. Он срубил дерево. В лесу много разных деревьев*). Анализ карты позволяет сделать следующие наблюдения: во-первых, «акающая» диалектная зона якутского (см. карту 1, [Иванов 2004: 41]) проводит в выражении этого концепта замену общеякут. *мас* на *тиит* 'лиственница' (*мас* остается как название материала 'дерево' ('wood') и предметов из дерева — 'деревяшка', 'дрова')²; во-вторых, в северных регионах фиксируется еще одна замена для *мас* (*мас* остается в тех же функциях) — *талах* ~ *талак* 'ива, кустарник'.

2. Монгольские заимствования в якутских диалектных названиях растений

На карте (рис. 3) отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Заемствованные монгольские фитонимы:

як. лит. *долохоно* 'боярышник'; Томп. *долохуна* 'боярышник' [Жиркова, Кривошапкина 1970: 26]; Бод. *долобоно* 'боярышник' [ДСЯС 1995: 64];

² Эта же замена неуверенно отмечена в усть-авамском долганском (на карте — Дудинка) [Stachowski 1993: 224]. Однако наши информанты ее не подтверждают, а М. Стаховский приводит сочетание из фольклорных текстов *timir tīt* 'железное дерево', которое не обязательно может быть истолковано как сочетание с общим названием для дерева.

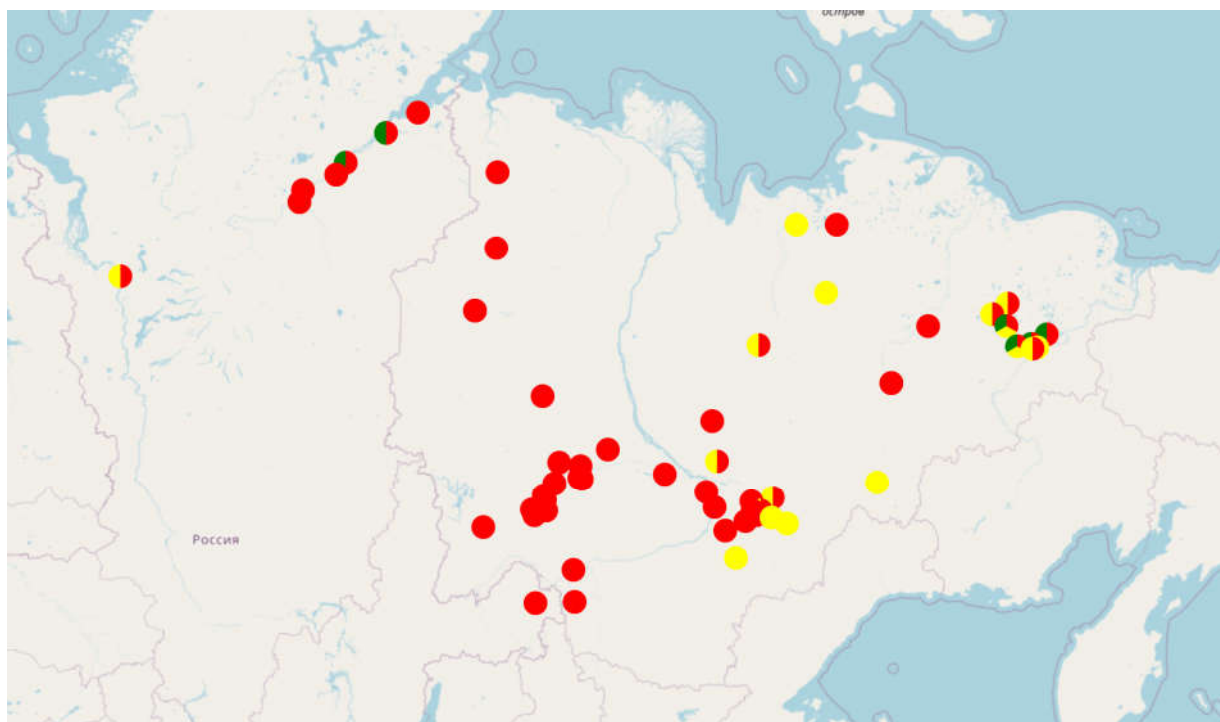

Рис. 2. Выражение в якутском концепта «дерево» (как растительный организм) по результатам опроса 110-словников Сводеша — Яхонтова с контекстами (<https://www.turkmaps.org/yakut/tree.html>).

Красный — общиякут. *мас*³, желтый — общиякут. *тиит* (*‘лиственница’),
зеленый — общиякут. *талах ~ талак* (*‘кустарник’)

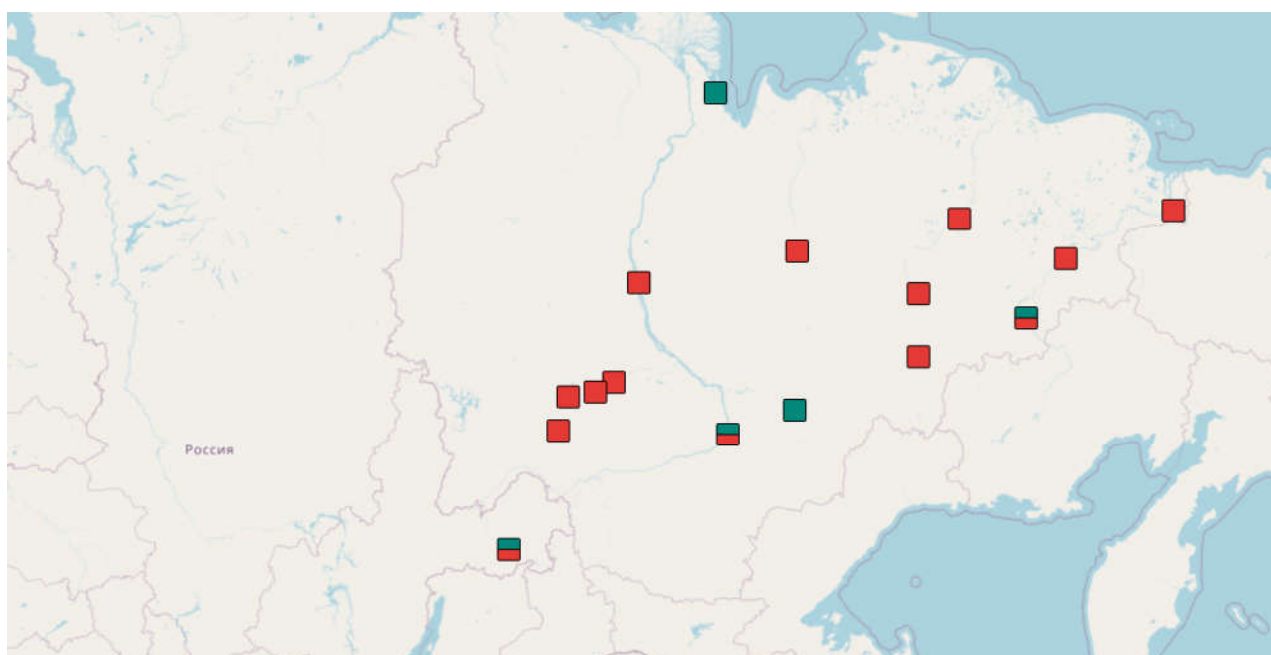

Рис. 3. Монгольские заимствования якутского языка в диалектных наименованиях деревьев и кустарников (https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/0bs1V). Зеленый — названия растений монгольского происхождения, красный — использование монголизмов в мотивированных названиях

³ Мы полагаем, что общиякут. *мас* следует трактовать как контаминацию рефлекса ПТю. **hɑŋ-GOč* > ранне-якут. **iŋas* > **ŋas* (с недопустимым для якутского анлаутом на *ŋ-*) и рэтимологизации, согласно гипотезе М. Стаховского, эвенкийского коллективного имени *mō-sa* от эвк. *mō* ‘дерево’ как формы принадлежности 3-го л. (ср. [Stachowski 1995]).

В.-Кол. *уулаайы* ‘ольха; чозения крупночешуйчатая’;
 як. лит. *ыарба* ‘карликовая береза’; Бул. *сытыган ыарба* ‘багульник’ (букв. ‘вонючий ерник’) [ДСЯС 1995: 172].

Якутские фитонимы, восходящие к монгольским заимствованиям из других семантических областей:
тэтинг лит. ‘осина’, Вил., В.-Вил., Нюрб., Сунт. ‘осина (*Populus tremula* L.)’ [Кулаковский 1979: 435]; Кол. ‘молодой тополь’ [ДСЯС 1995: 201];

дьондол Жиг. ‘ива, белая ива’;

арбай Ойм., Аб., Верх., В.-Кол. ‘ива’ [ДСЯЯ 1976: 50]; Бод. *титирик арбай* ‘лиственничная заросль’ [ДСЯС 1995: 187];

абырбал Верх. ‘густой кустарник, ерник’ [Коркина 1990: 107];

дьылыһын Верх. ‘высокая стройная лиственница в долине реки’ [ДСЯЯ 1976: 102];

сапсырба Вил. ‘тальник с густыми ветками, употребляемый для тушения пала’ [ДСЯЯ 1976: 203];

баарабай тиит Верх. (букв. ‘крупная лиственница’) ‘старая, крупная лиственница’ (инф. КВЗ);

бэхэрик лит. ‘молодая лиственница’; Верх. *бэхэрик*, *бэчик* ‘молодая лиственница’; Аб. *бэтэрик* ‘лесная чаща’; В.-Кол. *бэхэрик талах* ‘ива, тальник’ [ДСЯЯ 1976: 82];

агаалык (без помет) ‘крупное засохшее лиственничное дерево’ [ДСЯЯ 1976: 47];

арык тиит Инд., Аб., Мом. ‘священная лиственница с густыми ветвями, к которой никто не прикасается’ [ДСЯС 1995: 42];

бөчүгүрэс аһа Бод. ‘боярышник’ [ДСЯС 1995: 53], букв. ‘рябчиковая ягода’; як. *бочугурас*, *бөчүгүрэс* ‘рябчик’ в [Попов 2003: 53] производится от *бочугураа* – ‘щебетать’, но сам этот звукоизобразительный глагол, скорее всего, восходит к монг. *bojirga* ‘жаворонок’ [ЭСМЯ 2015: 96]⁴.

Судя по карте, как прямые монгольские заимствования фитонимов, так и мотивированные названия, использующие монголизмы, распространены преимущественно в зонах наиболее древнего расселения якутов (ср. ниже о русизмах). Любопытно, что, хотя в долганских материалах М. Стаховского зафиксировано огромное количество общеякутских монгольских заимствований, их практически нет среди фитонимов. В случаях, когда обозначение соответствующего растения все же имеется, оно замещено либо тунгусо-маньчжурским, либо русским заимствованием.

3. Тунгусо-маньчжурский и палеосибирский пласты

Заимствования из тунгусо-маньчжурских языков составляют самый многочисленный пласт иноязычной лексики (16% от общего числа) в диалектных наименованиях деревьев и кустарников якутского языка и действительно отражают исторические и социальные процессы, происходившие на территории Якутии.

В якутском языке под этим пластом прежде всего подразумевается взаимодействие якутского с эвенкийским и эвенским. Вопрос о времени начала этих контактов остается дискуссионным: исследователи относят его к XVII в. [Долгих 1960], XIV—XV вв. [Щербак 1994] или даже к XIII в. [Убрятова 1960; Рассадина 1980]. Н. Н. Широбокова поддерживает идеи Е. И. Убрятовой и В. И. Рассадина о ранней датировке языковых контактов между якутами и эвенками, отмечая наличие архаичных форм якутского языка в эвенкийской лексике [Широбокова 2001]. Таким образом, с XIII—XVII вв. по настоящее время народы находились в тесном взаимодействии, что обусловило взаимное заимствование лексики, включая фитонимы, характерные для природы северных широт и связанные с оленеводством. Географическое распространение заимствованных из эвенкийского названий деревьев и кустарников практически повсеместно. Однако использование эвенкизмов в мотивированных названиях сосредоточено по большей части в центральных районах — зонах более раннего расселения. Эта закономерность, вероятно, отражает более глубокое освоение и, следовательно, более раннее заимствование данной лексики в этих ареалах.

На карте (рис. 4) отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Заимствованные эвенкийские фитонимы:

Уд. *таанса* ‘пихта’ [ДСЯС 1995: 179];

Сад. (Мирн.) *чалаан* ‘молодой березняк’ [ДСЯС 1995: 230], ‘карликовая березка’ [Чорду 2011: 19];

Жиг. *дьангта* ‘кедровый стланик’ [ДСЯС 1995: 69; ДСЯЯ 1976: 95];

Долг. (Таймыр) *bolgikta* ‘морозка (*Sumpfbrombeere*)’ [Stachowski 1993: 62]; Кол. *бабылыкта* ‘кедровый стланик’ [ДСЯС 1995: 46]; Уд. *болбиикта* ‘кедровый стланик’ [там же: 51];

⁴ Хотя этимологизация якутских изобразительных глаголов не входит в задачи настоящей статьи, стоит отметить, что некоторые возможности этимологизации, основанные на монгольских контактах, рассмотрены, например, в [Дыбо 2004].

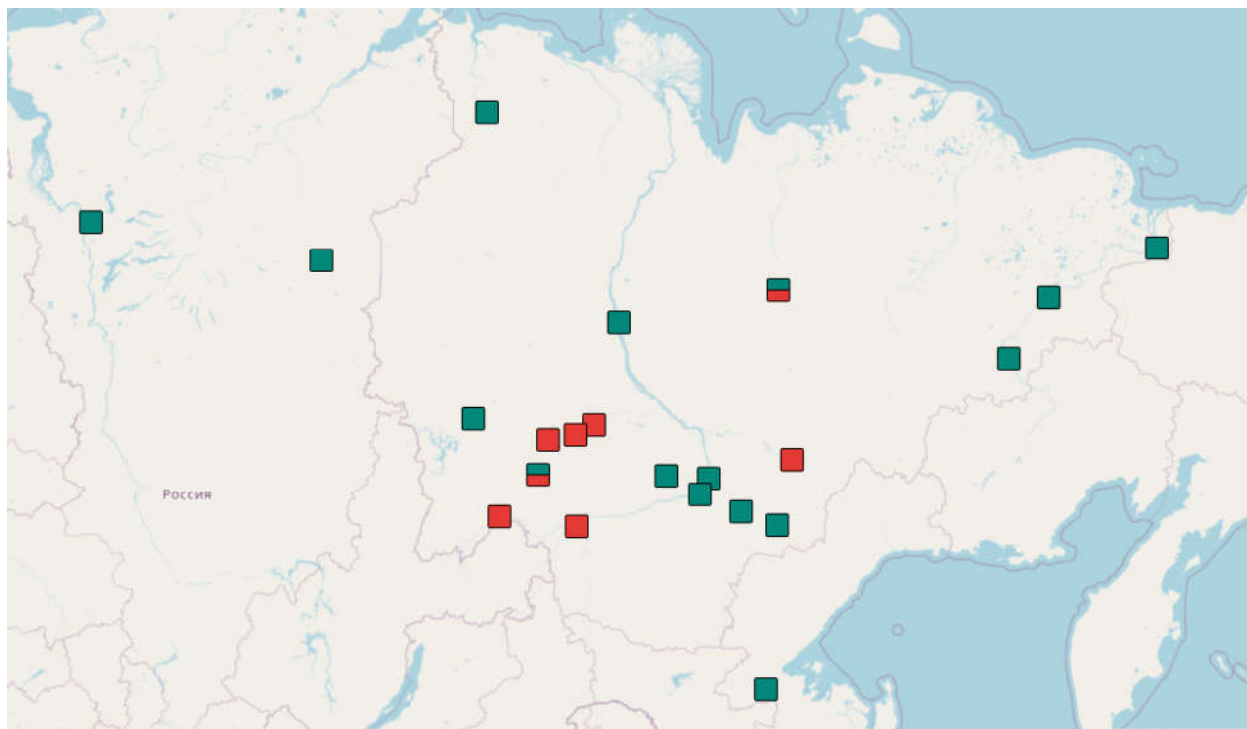

Рис. 4. Заимствованные эвенкийские наименования деревьев и кустарников (зеленый) и мотивированные названия, использующие эвенкийские заимствования (красный)
(https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/Ypdrd)

Долг. (Таймыр) *uoxtala* ‘кустарник, растущий в тундре’ [Stachowski 1993: 245]; Ан., долг. *уохтала* ‘кустарник, растущий в тундре’ [ДСЯЯ 1976: 261], ‘тундровая, карликовая береза’ (инф. ЕМП);

Верх., С.-Кол., В.-Кол. *ньяамыкта* ‘мягкий тальник’ [ДСЯЯ 1976: 176];

Долг. (Таймыр) *amdurara*, *hamdurkurā* ‘кустарник, растущий на гольцах и похожий на багульник’ [Stachowski 1993: 33, 94]; Ан. долг. *хамдуркураа*, *хомдуркураа*, *һэндипкирээ* ‘багульник стелющийся’; Ес. *хамдурку*, *һандуккуура* ‘багульник’ [ДСЯЯ 1976: 226, 227; Иванова 1990: 95; ИОЛРЯ 2018: 338, 345];

Долг. (Таймыр) *һәҕкирэ* ‘можжевельник (Wacholder)’ [Stachowski 1993: 224]; Ес. *һэнтэрэ* ‘багульник’ [Чорду 2011: 19], *һэнгэрэ* ‘кустарник, растущий на гольцах и похожий на багульник’ [ДСЯЯ 1976: 226]; Уд. *сэмкэрэ* ‘багульник’ [ДСЯС 1995: 172];

Амг. *түүбүктэ* ‘жимолость’ (инф. ЧНК).

У.-М. *ачаахта* ‘рябина’ [ДСЯЯ 1976: 54];

Уд. *кампай*, *компой*, *кымпый* ‘низкорослая рябина с крупной ягодой’ [ДСЯС 1995: 83, 86, 102];

У.-М. *дьалыкта* ‘боярышник’ [ДСЯЯ 1976: 94];

ньалыкта ‘боярышник’ (без помет) [Кулаковский 1979: 435]; Горн., Ханг. Сунт. *налыкта отоно* ‘боярышник’ [ДСЯЯ 1976: 173];

У.-М. *үтүгэндэ* ‘ягода жимолости’ [ДСЯЯ 1976: 271];

Долг. (Таймыр) *igiliktä* ‘красная смородина (rote Johannisbeere)’ [Stachowski 1993: 123], из эвенк. *igəlikta* ‘смородина’ [ССТМЯ 1975: 297].

Якутские фитонимы, восходящие к эвенкийским заимствованиям из других семантических областей:

Вил., В.-Вил., Олекм., Нюрб., Лен., Сунт. *чээрэ* ‘сосна’ [ДСЯС 1995: 239];

Томп. *лабаа* ‘тальник’ [ДСЯЯ 1976: 149];

Верх. *амынньар* ‘шиповник’ (инф. КВЗ).

Основные ареалы концентрации заимствований из тунгусо-маньчжурских языков — северо-восток и северо-запад Якутии, Амурская область, Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края, а также Долгано-ненецкий и Эвенкийский районы Красноярского края — совпадают с современными районами проживания эвенков и/или эвенов. Рассмотрим кратко историю миграции якутов в данные регионы.

Амурская область. Уже к моменту первых русских экспедиций в XVII в. тунгусы составляли здесь одну из наиболее многочисленных этнических групп [Забияко и др. 2012]. При этом якуты также проживали на территории современной Амурской области, а конец XVII в. отмечен их активными миграциями и переселениями в Приамурье [Парникова 1957].

Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края. Удская часть этого района до 1880 г. входила в состав Якутской области. Согласно О. А. Парниковой, в районе Удского острожка якуты стали появляться в конце XVII в., что зафиксировано в ясачных книгах [Парникова 1957]. Параллельно здесь проживали и платили ясак тунгусы — об этом упоминает русский путешественник и исследователь С. П. Крашенинников, давший первое описание Уды в известной работе «Описание земли Камчатки» (1755): «тунгусов, которые платят ясак в помянутый (Удской. — *Примеч. авторов*) острог, считается шесть родов: Лалигирский, Гойганский, Оддианский, Огинкагирский, Бутальский и Китигирский, а ясаку собирается с них по 85 соболей и по 12 лисиц в год» [Крашенинников 1755: 97].

Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район Красноярского края. Согласно ранним русским источникам, уже в 1632 г. долганы были известны как тунгусский род, и их происхождение от рода *Дулган* (*Долган*) сохраняется в устной традиции по сей день (инф. ТЛД, Анабарский р-н). В 1660-х гг. из-за того, что некоторым группам тунгусов и якутов пришлось платить ясак по несколько раз различным группам казаков [Миддендорф 1878: 690], они двинулись с территории Жиганского зимовья и бассейна р. Виллой в бассейны рек Оленек и Анабар [Парникова 1957], а затем — до верховья рек Хатанга и Пясины, вплоть до Норильских озер, где происходили контакты уже с местным населением. Именно в ходе этих процессов, как утверждает Б. О. Долгих, и сформировался долганский этнос — в результате тесного взаимодействия затундренных крестьян (русских), якутов и эвенков [Долгих 1963]. Якутский язык был языком общения между этими народами и вобрал в себя различные элементы эвенкийской и русской лексики. Сегодня долганы проживают в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе Красноярского края (в населенных пунктах вдоль рек Хатанга и Хета и в городе Дудинка), а также в Анабарском национальном (долгано-эвенкийском) улусе Республики Саха (Якутия) в селах Юрюнг-Хая и Саскылах.

Село Ессей Эвенкийского района Красноярского края. Хотя наиболее раннее упоминание Есейского ясачного зимовья датируется у Б. О. Долгих приблизительно 1634 г. (см. [Долгих 1960: 222]), данные именно о «ессейских якутах» надежно зафиксированы в документах конца XVIII в. [Парникова 1957: 77]. Вероятно, переселенцы из Центральной Якутии начали активно заселять район озера Ессей с конца XVII в., что также было связано с тяжестью ясачной повинности. Несмотря на отдаленность, изолированность от основной массы якутов и тесные контакты с тунгусским населением, ессейские якуты (*Дьэһиэй сахалара*) смогли адаптироваться к новым условиям жизни, сохраняя при этом свой язык и уникальные черты своего этнического наследия. Семь основных родовых фамилий — Бети, Ботулу, Маймага, Осогосток, Уодай, Чорду и Эспек — носят названия наслегов и сел Якутии, откуда происходили их предки: например, Оспехский наслег (Усть-Алданский улус), с. Маймага (Намский улус), Ботулунский наслег (Верхневилуйский улус) и т. д. [Васильева 2015].

Достаточно показательно распространение заимствований из других тунгусо-маньчжурских языков, а также из двух палеосибирских — юкагирского и нивхского — языков.

На карте (рис. 5) отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Эвенские заимствования:

Долг. (Таймыр) *hāktä*, Ан. *həntə* ‘молодая лиственница’ [Stachowski 1998: 100; ДСЯЯ 1976: 230];

Долг. (Таймыр) *dölühön* ‘шиповник (Heckenrose)’ [Stachowski 1998: 81]; Алл. *dölökönö*, У.-А. *dölökü* ‘шиповник’ [ДСЯЯ 1976: 88; Васильев 1984: 93].

Негидальское заимствование: Уд. *dəwəgdə* ‘дерево с липкими листьями, похожее на иву’; Ам. *dəbigdə* ‘березка с тонкой, как бумага, берестой’ [ДСЯЯ 1976: 91].

Нанайское заимствование: Уд. *уопикта* ‘плод шиповника’ [ДСЯС 1995: 204].

Нивхское заимствование: (скорее через местный эвенкийский): Уд. *кампай*, *компой*, *кымный* ‘низкорослая рябина с крупной ягодой’ [ДСЯС 1995: 83, 86, 102].

Юкагирское заимствование: В.-Кол. *нолут* ‘разновидность дерева’ [ДСЯЯ 1976: 175], С.-Кол. *нолут* ‘ива’ (инф. ЧМЮ); Кол. *нолур* ‘высокое толстое дерево, похожее на тополь’ [ДСЯС 1995: 134].

Ср. также возможное юкагирское заимствование в общеякутском (точка в Якутске) *иирэ* ‘ива, тальник, белоталь’.

Данные заимствования встречаются в регионах современного распространения этих языков и, очевидно, являются довольно поздними — они проникли в якутский язык после его разделения на диалекты.

4. Русский пласт

Как отмечал А. Е. Кулаковский: «слова, перенятые якутами у русских, интересны и важны в том отношении, что по ним и по их количеству можно судить о степени влияния русских на якутскую нацию и, с другой стороны, о степени усвоения последними культурных понятий» [Кулаковский 1979: 316].

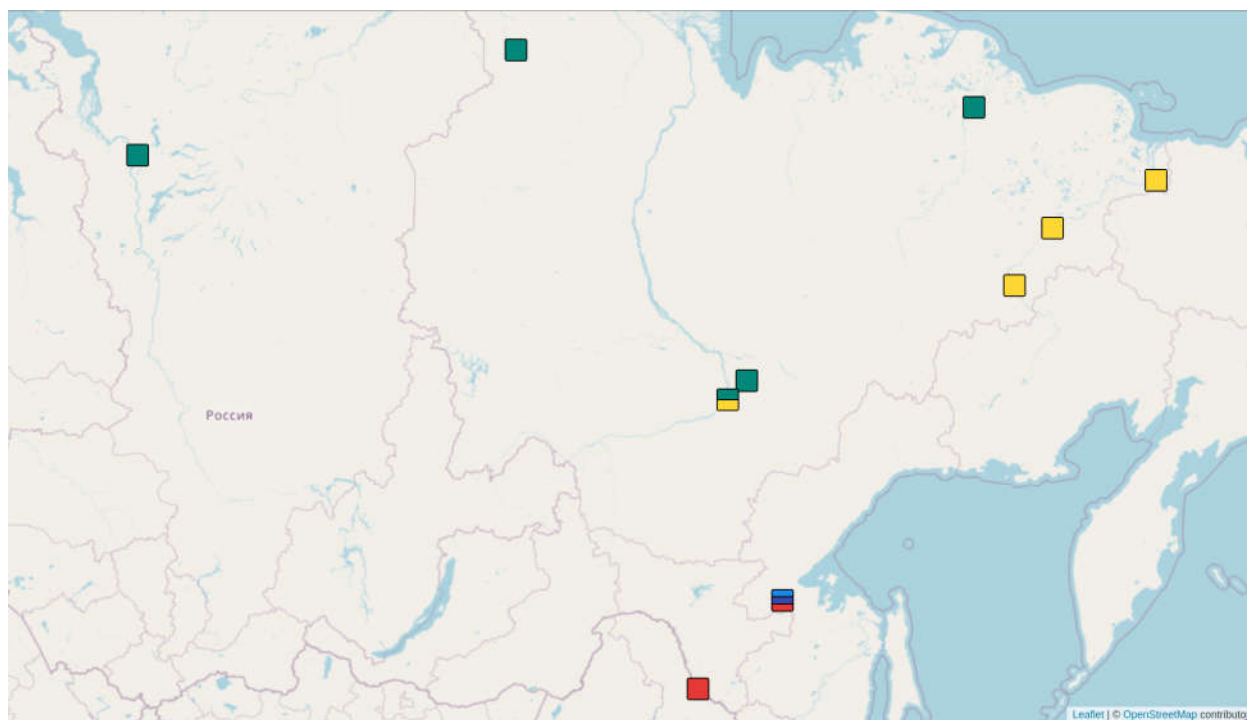

Рис. 5. Заимствования названий растений из эвенского (зеленый), негидальского (красный), нанайского (фиолетовый), нивхского через локальный эвенкийский (синий), юкагирского (желтый) (https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/D6HRA)

В сфере фитонимической лексики это влияние наиболее существенно отразилось в названиях посевных культур — ржи, ячменя и др., которые появились в якутском языке с развитием земледелия, привнесенного русскими и адаптированного под суровые климатические условия. Что касается названий деревьев и кустарников, то количество заимствований из русского языка составляет 9% от общего числа фитонимов, однако их анализ оказывается довольно информативными (см. ниже).

Русизмы в якутском языке представляют собой сравнительно поздние заимствования. Их фонетический облик хотя и трансформирован согласно основным законам якутского вокализма и консонантизма, относительно близок к исконной форме, поэтому большинство русизмов легко определить билингам, знающим якутский и русский языки. Лингвистическое картографирование русизмов в фитонимах деревьев и кустарников наглядно демонстрирует места тесных русско-якутских языковых контактов (см. рис. 6).

Адаптированные русизмы, восходящие к русской диалектной лексике, обнаружены в районах Якутии, где с ранних времен проживает большое количество русскоязычного населения, — Ленском, Вилюйском, Олекминском, Верхоянском и колымских улусах. Эта картина отражает прямую связь с историей освоения края: русизмы концентрируются в местах расположения главных опорных пунктов русского воеводства XVII в. — острогах в Вилюйске (основан в 1634 г.), Олекминске (1635 г.) и на Колыме (1643 г.). Как пишет Е. И. Коркина, изучившая говоры северо-восточных диалектов: «на Колыме русских было больше, чем во всех других северных районах Якутии вместе взятых, и диалектизмы русского происхождения в языке колымских якутов, как правило, местного усвоения и употребления, большинство из них неизвестно в якутском литературном языке и других говорах якутского языка» [Коркина 1992: 92]. В северо-западных говорах диалектных русизмов ожидаемо нет.

На карте (рис. 6) отображены следующие вхождения (этимологии см. в [Дыбо и др. 2025]).

Заимствованные русские фитонимы:

Томп. *чириэмтэ*; (без указания) *чөрүөмхэ*, *чэриэмхэ* ‘черемуха’ (рус. диал. *черемха*).

Усть-Ян., Аллах. *марха* ‘мелкий кустарник’ [ДСЯС 1995: 120]. К этимологии: ср. эвенк. *мар* ‘марник, поросль низкорослой березы на торфяниках’, *марикта* 3, Алд ‘марниковая береза, марник’ [Василевич 1958: 248], *маркар* Баунт. ‘ерник’ [ССТМЯ 1975: 531] (и эвен. *mār* с тем же значением [Роббек, Роббек 2005]). Русское *марь* А. Е. Аникин считает эвенкийским заимствованием, оспаривая его славянскую этимологию [Аникин 2000: 378—379], как, видимо, и якут. лит. *маар* ‘моховое болото, поросшее кустарником, лесная болотистая тундра’. Однако эта гипотеза представляется сомнительной: в [ССТМЯ 1975] слово отмечено только для эвенкийского, а эвенское *mār*, скорее всего, является якутизмом. Таким

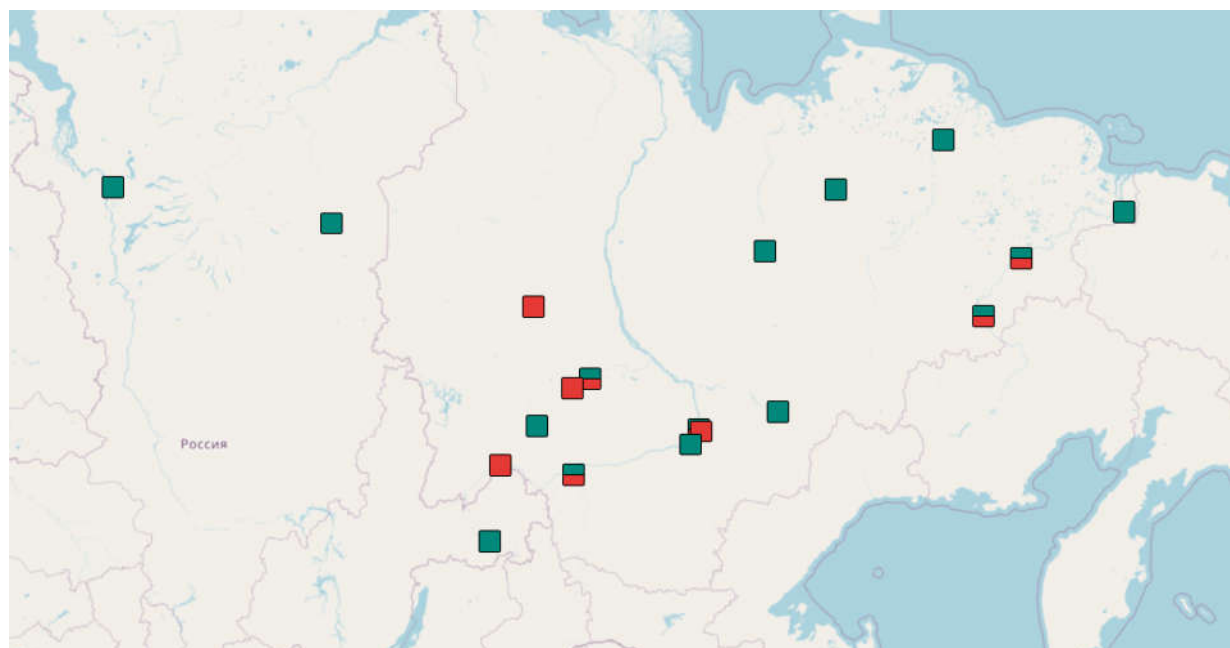

Рис. 6. Заимствованные из русского фитонимы (зеленый)
и мотивированные якутские названия растений с использованием русских заимствований (красный)
(https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/981nA)

образом, тунгусо-маньчжурское происхождение маловероятно. Более правдоподобно, что якут. лит. *маар* — это русизм, а усть-янское *марха* восходит к незасвидетельствованному диалектному русскому образованию с продуктивным уменьшительным суффиксом **марь-ка*.

Олен. *һэппэрээк* ‘багульник’ (инф. КЕН, Оленекский р-н); Вил. *чэмпэрээк*, *чэппэрээк*, *сэппэрээк*, *сэппэрээх*, *сэкпэрээк* тж. [Воронкин 1999: 93]; сев.-вост. *сэппэрээк* ‘ива, кустарник’ [Коркина 1990: 250]; Ес. *һэпкэрээк* ‘карликовая березка’ [Чорду 2011: 19].

Верх. *бабылынньык* [ДСЯЯ 1976: 56], Кол. *бабылыанньык* [ДСЯС 1995: 46], С.-Кол., В.-Кол. *баблыанньык*, *бабылыанньык* ‘багульник’ [ДСЯЯ 1976: 56].

Верх. *ирбинньэх* ‘рябина’ (инф. СЕМ, Верхоянский р-н).

Олекм. *байаарысынньык*, Сунт. *байааһынньык* ‘боярышник’, В.-Кол. *бэрэһинньык* ‘вид ягодного кустарника’ [ДСЯЯ 1976: 58, 81].

Олекм. *байааккы*, *байаарка*, Сунт. *байаарка*, Ханг. *байаарка* ‘боярышник’ [ДСЯЯ 1976: 57].

Без помет: *сарбанньах отоно*, *сарбанньах эрэбиинэ* ‘рябина’ (букв. ‘сербинная ягода, сербинная рябина’) [Кулаковский 1979: 435, 438]; отметим, что Долг. (Таймыр) утратил фитоним и сохраняет только переносное *harbanñak* ‘бисерный узор (Glasperlenornament)’ [Stachowski 1998: 97].

Без помет: *сэмэлэс* ‘жимолость’ [Кулаковский 1979: 437].

Олек. *бииктэ* ‘пихта’ [ДСЯС 1995: 179].

Долг. (Таймыр) *kedr* ‘кедр (Zeder)’ [Stachowski 1993: 147].

Долг. (Таймыр) *jel'* ‘ель (Fichte)’ [Stachowski 1993: 131].

Долг. (Таймыр) *sosna* ‘сосна (Kiefer)’ [Stachowski 1993: 211].

Долг. (Таймыр) *osina* ‘осина (Espe)’ [Stachowski 1993: 196].

Ес. *дуун* ‘дуб’ [Воронкин 1966: 129] (в фольклорном произведении).

Бод. *чёрная мородина* ‘черная смородина’ [ДСЯС 1995: 232].

Якутские фитонимы, восходящие к русским заимствованиям из других семантических областей:

Олен. *тэппиһэ* ‘низкорослая ветвистая лиственница’ [ДСЯС 1995: 201].

Вил., М.-Канг., С.-Кол., В.-Вил., В.-Кол. *минньык талаба* ‘береза тощая’ [ДСЯЯ 1976: 159].

Олек. *эриэхэлээх* ‘кедр’ [ДСЯС 1995: 251].

Лен. *бадьыйаан* ‘дерево с продолговатыми листьями, похожее на осину’ [ДСЯЯ 1976: 57].

Без помет: *сарбанньах отоно*, *сарбанньах эрэбиинэ* ‘рябина’ (букв. ‘сербинная ягода, сербинная рябина’) [Кулаковский 1979: 435, 438].

Ареал мотивированных якутских названий растений, имеющих в своем составе русские компоненты, уже, чем ареал прямых заимствований; они концентрируются в районах первичного расселения.

Итак, анализ географического распределения фитонимов позволяет сделать следующие выводы.

а) Исконная тюркская лексика, представленная в основном названиями с унаследованными, нейтральными к типу биоценоза значениями, имеет общезакутское распространение, что закономерно отражает древнейший пласт языка.

б) Среди фитонимов монгольского происхождения непосредственно заимствованных названий растений крайне мало (3 ед.). Значительно преобладают (11 ед.) мотивированные наименования, содержащие монголизмы, первоначально усвоенные якутским языком в иных значениях. Такие названия, очевидно, не связаны с необходимостью именовать новую флору при столкновении с неизвестным биоценозом. При этом монгольские заимствования обоих типов локализируются в ареалах наиболее старого расселения якутов на современной территории. Это позволяет считать их лексикой, унаследованной из прежних мест обитания, а не заимствованной в ходе знакомства с новой флорой. Показательно, что в таймырском долганском фитонимы монгольского происхождения полностью вытеснены более поздними заимствованиями.

в) Эвенкийские заимствования, напротив, многочисленны (15 ед.) и имеют широкое, но географически обусловленное распространение: они практически отсутствуют на крайнем юге, будучи ограничены северной границей среднетаежных лесов (см. рис. 7), за исключением пунктов на Дальнем Востоке. Вероятно, такие заимствования связаны с освоением новых территорий и биоценозов. Эвенкизмы в составе мотивированных названий немногочисленны (3 ед.) и приурочены к зонам старого расселения, что свидетельствует о более раннем усвоении этих лексем в неботанических значениях и их последующем вторичном использовании в фитонимике.

г) Заимствования из прочих тунгусо-маньчжурских и палеосибирских языков носят исключительно региональный характер.

Рис. 7. Растительность Якутии

(по: Атлас Якутской АССР. Якутск, 1981; <http://www.briefgeography.ru/wagls-334-1.html>).

Среднетаежные леса: зоны 11—13, 17—20, остальные зоны относятся к тундровой растительности и притундровым редколесьям

д) Русский пласт (прямые заимствования фитонимов из диалектного русского и мотивированные названия с русскими компонентами) также связан с регионами давнего расселения и очагами ранней колонизации. Показательно, что в таймырском долганском сохранившийся рефлекс одного из таких диалектных русизмов вышел из употребления именно в фитонимической группе. Прочие русизмы в долганской фитонимике не демонстрируют русского диалектного происхождения и слабо фонетически адаптированы.

IV. Географическое распределение типов мотивации

Мотивированные названия классифицированы по основным мотивационным признакам, среди которых: форма — 20⁵ л. е., размер — 10 л. е., цвет — 11 л. е., место произрастания — 4 л. е., пищевое качество — 10 л. е., хозяйственная функция — 7 л. е., запах — 3 л. е. Первые четыре признака отражают объективные характеристики растения, тогда как три последних — его восприятие через антропоцентрическую призму. В данной работе не картографируются специфические признаки, используемые исключительно для наименования ивы: пол (поскольку только ива среди рассмотренных растений является двудомной), качество древесины и время цветения.

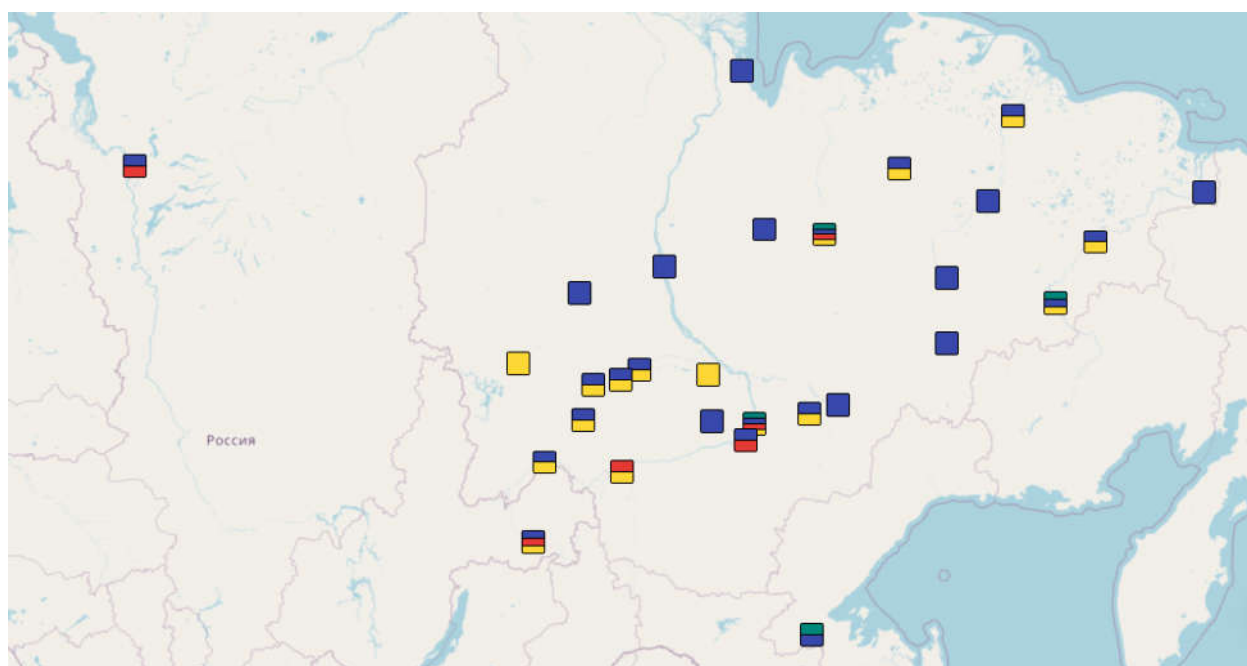

Рис. 8. Объективные мотивационные признаки
(зеленый — размер, красный — цвет, фиолетовый — форма, желтый — место произрастания)
(https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/rxc8t)

На карте (рис. 8) отображены следующие вхождения.

Размер:

Верх. *бэһэрик*, *бэчик* ‘мелкая лиственница’, В.-Кол. *бэчэрик талах* ‘тонкий, гибкий тальник’, без помет *бэгэл* ‘малорослая сосна’ (букв. ‘недоросток’);

Верх. *баарабай тиит* ‘старая, крупная лиственница’ (букв. ‘крупная лиственница’);

Верх. *кытык*, *кычык*, В.-Кол. *кычык* ‘заросли мелкой лиственницы’ (букв. ‘мелочь’);

Верх. *суон тиит* ‘старая толстая лиственница’ (букв. ‘толстая лиственница’);

Уд. *тиитчээн* ‘молодая лиственница’ (Dimin от ‘лиственница’);

без помет *кэйгэл титирик* ‘молодая лиственница, лиственничная поросль’ (*кэйгэл* ‘пространный’);

без помет *ыман талах* ‘тонкий тальник’ (*ыман* ‘тонкий’);

без помет *агаалык* ‘крупное лиственничное дерево, засохшее на корню’ (*агаалык* ‘крупный (о лосе)’).

Форма:

Томп. *лабаа* ‘тальник, багульник, кустарник’ (букв. ‘ветка’);

⁵ Здесь объединены форма всего растения, наличие шипов, наличие и форма ягод.

Усть-Ян. *сүһик аһылыга*, Алл., Татт. *сүһик аһа* ‘красная смородина’ (букв. ‘ольховая = кустовая еда = ягода’);

Булун. *тирэх аһа* ‘красная смородина’ (букв. ‘тополевая = кустовая еда = ягода’);

Верх. *тирэх отоно* ‘черная смородина’ (букв. ‘тополевая = кустовая ягода’);

Горн., Ордж., Сунт. *налыкта отоно* ‘боярышник’ (букв. ‘багульниковая = кустовая ягода’);

Олен. *тэппиһэ* ‘низкорослая ветвистая лиственница’ (букв. ‘медведь’);

Жиг. *дьондол* ‘белая ива’ (букв. ‘долговязая’);

Сакк., Верх. *хатыы аһа* ‘шиповник’ (букв. ‘колючая еда = ягода’);

Ойм., Аб., Верх., В.-Кол. *арбай* ‘ива’ (букв. ‘взъерошенная’);

Верх. *абырбал* ‘густой кустарник, ерник’ (букв. ‘заросли’);

Верх. *амынньар* ‘шиповник’ (букв. ‘хворост, ветки’);

Верх. *дьылыһын* ‘высокая стройная лиственница’ (букв. ‘тощая’);

Инд. *арык тиит* ‘священная лиственница с густыми ветвями, к которой никто не прикасается’ (букв. ‘лиственница с омелой’);

В.-Кол., С.-Кол., Н.-Кол. *дьахтар талаба* ‘ольха’ (букв. ‘женский тальник’, см. обоснование в предыдущей статье);

В.-Кол., С.-Кол., Н.-Кол. *обус таһаба* ‘ягоды шиповника’, Бод. *обус сымыта* ‘жимолость’ (букв. ‘бычья яйца’);

Вил., В.-Вил., Нюрб., Сунт. *тэтинг* ‘осина’, Кол. ‘молодой тополь’ (букв. ‘трепещущий’).

Место произрастания:

Усть-Ян., Аллах. *куобах отоно* ‘красная смородина’ (букв. ‘заячья ягода’) (см. [Малышева 2024: 113], название растения через зайца характеризует его как дикорастущее съедобное);

Коб., Олек., Нюрб., Вил., В.-Вил., Мирн., Лен., Сунт. *тонус угунньата* ‘кедровый стланик’ (букв. ‘тунгусская стелька’);

Верх., В.-Кол., С.-Кол., Н.-Кол. *сахха талаба*, *һахха талаба* ‘ива сухолюбивая’ (букв. ‘якутский тальник’);

Бод. *сахха моонньоҕоно* ‘черная смородина’ (букв. ‘якутская смородина’);

Татт. *иһик бидилгэх* ‘карликовая ива в тундре’ (букв. ‘зарослевая топь’);

Усть-Ян. *марха* ‘мелкий кустарник’ (букв. ‘болотце’).

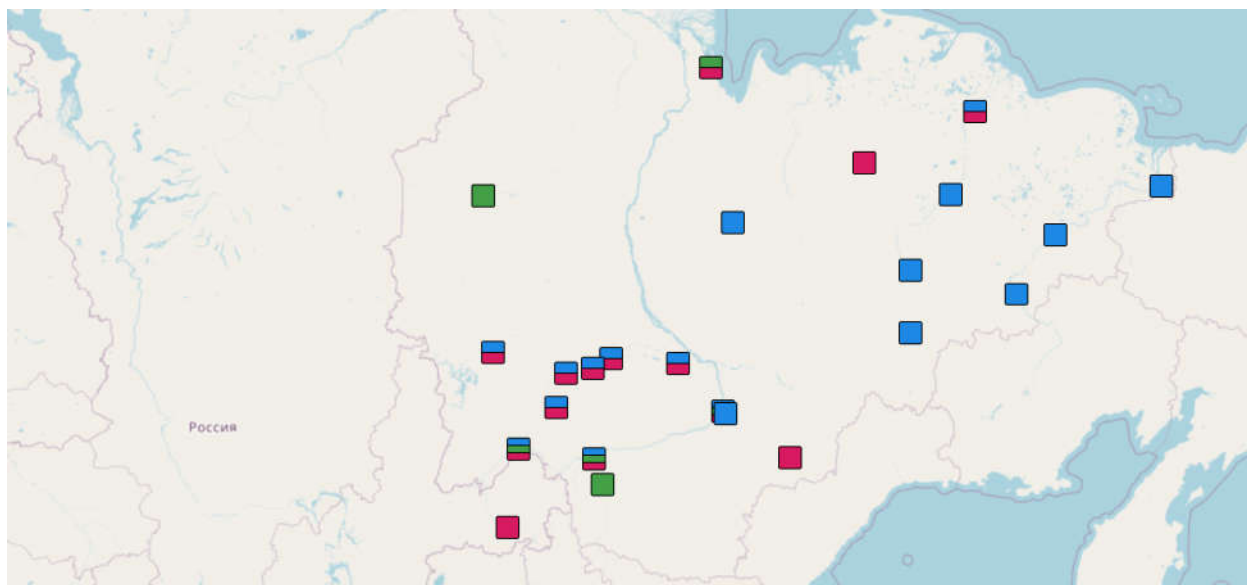

Рис. 9. Антропоцентрические мотивационные признаки
(зеленый — запах, красный — пищевые качества, синий — функция)
(https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/2rN9n)

На карте (рис. 9) отображены следующие вхождения.

Запах:

Бул. *сытыган ыарба* ‘багульник’ (букв. ‘пахучий кустарник’);

Олен. *ыылаах талах* ‘похожий на рябину кустарник с мелкими красными ягодами’ (букв. ‘пахучий тальник’);

Лен. **ыылаах мас** ‘пихта’ (букв. ‘пахучее дерево’);
без помет **сытыган харыйа** ‘пихта’ (букв. ‘пахучая ель’).

Пищевые качества:

Усть-Ян., Аллаих. **куобах отоно** ‘красная смородина’ (букв. ‘заячья ягода’) (см. [Малышева 2024: 113], название растения через зайца характеризует его как дикорастущее съедобное);

Олен., Коб. **ыт сугуна** ‘жимолость’ (букв. ‘собачья голубика’, см. [Малышева 2024: 114], название растения через собаку и большинство диких животных указывает на сниженное пищевое качество);

Бул., Олен. **ыт отоно** ‘можжевельник’ (букв. ‘собачья ягода’);

Сунт., У.-М. **тураах сугуна** ‘жимолость’ (букв. ‘журавлиная голубика’);

Бод. **бөчүгүрэс аһа** ‘боярышник’ (букв. ‘рябчиковая еда = ягода’);

Олекм., Вил., Нюрб., В.-Вил., Мирн., Лен., Сунт. **чээрэ** ‘сосна’ (букв. ‘чага’, основание для эвфемизации — использование в традиционной якутской кухне сосновой заболони для заварки, так же как и чаги);

без помет **чай талах** ‘полярная ива’ (букв. ‘чайный кустарник’);

без помет **кыыл сиир талаба** ‘ива черничная’ (букв. ‘тальник, поедаемый зверем / диким оленем’);

без помет **сутугах талах** ‘ива грушанколистная’, **сутуга талах** ‘ива круглолистная’ (букв. ‘ива со съедобным лыком’);

Олекм. **эриэхэлээх** ‘кедр’ (букв. ‘с орехами’);

без помет **сыа мас, сыалаах мас** ‘кедр’ (букв. ‘жирное дерево’).

Функция:

Сакк., С.-Кол. **уолах тиит** ‘средняя лиственница, большая толстая лесина’ (букв. ‘высохшая лиственница’, мотивация по пригодности к использованию для построек);

Вил., Инд. **чабылах**, Кол. **чабылла**, Ойм. Инд. **чабыллах тиит**, **чангылах** ‘толстое развесистое дерево/лиственница’ (букв. ‘столб в юрте’, мотивация по возможности служить укрытием);

Инд., Аб., **быа талах**, без помет **сигэ талаба** ‘тальник, пригодный для связки чего-либо’ (букв. ‘веревка-тальник’);

Вил., М.-Канг., С.-Кол., В.-Вил., В.-Кол. **миньнык талаба**, М.-Канг. **сиппиир талаба** ‘береза тощая’ (букв. ‘вениковый тальник’);

Вил. **сапсырба** ‘тальник с густыми ветками, употребляемый для тушения пала’ (букв. ‘плетка’).

Картографический анализ показывает, что ареалы распространения мотивированных названий, основанных на объективных и антропоцентрических признаках, существенно не различаются; в обоих случаях наибольшая концентрация лексики с различной мотивацией наблюдается в вилюйских говорах.

V. Выводы

Комплексный этимологический и лингвогеографический анализ диалектных наименований деревьев и кустарников в якутском языке, проведенный с помощью картографирования на платформе «Лингво-Док», подтвердил ценность фитонимов как источника информации, не противоречащей биологическим, историческим и культурным реалиям, как о самих денотатах, так и о протекавших языковых процессах.

Географическое распределение фитонимов в целом соответствует их этимологии: так, заимствования из тунгусо-маньчжурских языков концентрируются в местах совместного проживания якутов и тунгусо-маньчжурских народов, а заимствования из русского языка — в регионах длительного русско-якутского взаимодействия.

Распределение диалектных наименований отражает экологические и исторические реалии. Оно коррелирует: а) с естественными ареалами произрастания деревьев и кустарников на территории Якутии и б) с историческими и этносоциологическими данными о расселении якутов и соседних народов. Количество преобладающие виды имеют большее число диалектных вариантов. Номинация по мотивационным признакам оказалась более продуктивным способом образования диалектных фитонимов, чем прямое заимствование (свыше 50% случаев). Наблюдается четкая временная стратификация различных пластов заимствований: монгольских — до прихода якутов на Среднюю Лену, эвенкийских — приблизительно начиная с этапа освоения Средней Лены и последующего расселения. Заимствования из других тунгусо-маньчжурских и палеоазиатских языков, судя по локальному характеру, являются результатом более поздних региональных контактов. Картографирование мотивационных признаков в рамках данного исследования не выявило выраженных пространственных закономерностей. Более репрезентативные результаты, вероятно, могут быть получены при более широком типологическом обследовании региона.

Сокращения

Общее

букв. — буквальный перевод

Языки и говоры

Алд. — алданские говоры эвенкийского	ПМонг. — прамонгольский язык
алт. — алтайский	ПТМ — пратунгусо-маньчжурский
Баунт. — баунтовский говор эвенкийского	ПТунг. — пратунгусский
бур. — бурятский	ПТю. — пратюрский
долг. — долганский	рус. — русский
З — зейские говоры эвенкийского	сад. — садынский говор якутского
калм. — калмыцкий	Сх. — сахалинские говоры эвенкийского
лит. — литературный	хак. — хакасский
монг. — монгольский	эвен. — эвенский
общекут. — общекутский	эвенк. — эвенкийский
ОТю. — общетюрский	эйик. — эйикский подговор оленекского говора якутского
письм.-монг. — письменно-монгольский	як. — якутский

Районы Республики Саха (Якутия) и иные регионы России

Аб. — Абыйский район	Мирн. — Мирнинский район
Аллаих. — Аллаиховский район	Н.-Кол. — Нижнеколымский район
Амур. — Амурская область	Нюрб. — Нюрбинский район
Ан. — Анабарский район	Ойм. — Оймяконский район
Бод. — Бодайбинский район Иркутской области	Олекм. — Олекминский район
Ботур. — Ботурусский улус (ныне — большая часть Таттинского района)	Олен. — Оленекский район
Бул. — Булунский район	Ордж. — Орджоникидзевский район (ныне — Ханга- ласский район)
В.-Вил. — Верхневиллюйский район	Сакк. — Саккырырский район (ныне поделен между Кобяйским и Верхоянским)
В.-Кол. — Верхнеколымский район	С.-Кол. — Среднеколымский район
Верх. — Верхоянский район	Сунт. — Сунтарский район
Вил. — Виллюйский район	Татт. — Таттинский район
Горн. — Горный район	Томп. — Томпонский район
Ес. — с. Ессей Хабаровского края	Т.-Ч. — Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края
Жиг. — Жиганский район	У.-А. — Усть-Алданский район
Инд. — Индигирский район (ныне — Абыйский и Момский районы Якутии)	У.-М. — Усть-Майский район
Кол. — Колымский район (ныне три колымских района Якутии)	Уд. — Удской край Тугуро-Чумиканского района Хаба- ровского края
Лен. — Ленский район	Усть-Ян. — Усть-Янский район
М.-Канг. — Мегино-Кангаласский район	Ханг. — Хангаласский район

Информанты

ЕМП — Ефимова М. П., Анабарский р-н	СЕМ — Слепцов Е. М., Верхоянский р-н
КВЗ — Кириллина В. З., Верхоянский р-н	ТЛД — Туприна Л. Д., Анабарский р-н
КЕН — Кривошапкина Е. Н., Оленекский р-н	ЧМЮ — Чепрасов М. Ю., Среднеколымский р-н
КИМ — Колесов И. М., Среднеколымский р-н	ЧНК — Чирикова Н. К., Амгинский р-н
	ЮВИ — Юмшанов В. И., Верхоянский р-н

Словари

Аникин 2000 — А. Е. Аникин. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000.

БТСЯЯ Т. V — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: В 15 т. Т. V: (Буква К: күөлэһис гын — кээчэрэ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008.

- БТСЯЯ Т. VI — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2009.
- БТСЯЯ Т. VII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. VII: (Буквы Нь, О, Ө, П) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2010.
- БТСЯЯ Т. VIII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. VIII: (Буква С — сөллөбөр) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2011.
- БТСЯЯ Т. IX — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. IX: (Буква С: сөллөй — сээн, буква Ы) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2012.
- БТСЯЯ Т. X — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. X: (Буква Т: т — төһүүлээ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2013.
- БТСЯЯ Т. XI — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх — тээтэннээ) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2014.
- БТСЯЯ Т. XII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. XII: (Буквы У, Ү) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2015.
- БТСЯЯ Т. XIII — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. XIII: (Буква Х) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2016.
- БТСЯЯ Т. XIV — Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. XIV: (Буквы Ч, Ы) / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2017.
- Василевич 1958 — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь / Сост. Г. М. Василевич. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1958.
- Вербицкий 1884 — В. И. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. Казань, 1884.
- ДСЯС 1995 — Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том / Сост. М. С. Воронкин, М. П. Алексеев, Ю. И. Васильев. Новосибирск: Наука, 1995.
- ДСЯЯ 1976 — Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969.
- Пекарский I — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. I. Л.: Изд. АН СССР, 1958.
- Пекарский II — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. II. Л.: Изд. АН СССР, 1959.
- Пекарский III — Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. III. Л.: Изд. АН СССР, 1959.
- Попов 2003 — Г. В. Попов. Этимологический словарь якутского языка = Саха тылын этимологическай тылдыта. Ч. 1. А—Дь. Новосибирск, Наука, 2003.
- Радлов 1905 — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. III. Ч. 2. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1905.
- Роббек, Роббек 2005 — В. А. Роббек, М. Е. Роббек. Эвенско-русский словарь = Эвэды-нючиды төрэрүк: (свыше 14 000 слов). Новосибирск: Наука, 2005.
- ССТМЯ 1975 — Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю: В 2 т. Т. I: А—К / Отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975.
- ТСЯЯ Т. I — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. I: Буква А / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004.
- ТСЯЯ Т. II — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. II: Буква Б / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005.
- ТСЯЯ Т. III — Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: В 15 т. Т. III: Буква Г—И / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2006.
- Чорду 2011 — П. Х. Чорду. Краткий тематический словарь эсеейского говора. Якутск: Ситим, 2011.
- ЭСМЯ 2015 — Г. Д. Санжеев, М. Н. Орловская, З. В. Шевернина. Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. Т. I: А—Е. М.: Институт востоковедения РАН, 2015.
- ЭСТЯ 1989 — Э. В. Севортян, Л. С. Левитская. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989.
- ЭСТЯ 2000 — Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ» / Авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000.
- Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.
- Stachowski 1993 — Stachowski M. Dolganischer Wortschatz. Kraków, 1993.
- Stachowski 1998 — Stachowski M. Dolganischer Wortschatz. Supplementband. Kraków, 1998.
- TMN 4 — G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. 4. Wiesbaden: Harrassowitz, 1975.
- VEWT 1969 — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1969.

Л и т е р а т у р а

- Ачимова 2007 — *А. А. Ачимова*. Алтайско-русский словарь животного и растительного мира горного Алтая. Ч. I. Растения. Новосибирск: Наука, 2007.
- Васильев 1984 — *Ю. И. Васильев*. Анкетные данные по говору Аллаиховского района, 1984.
- Васильев 1987 — *Ю. И. Васильев*. Материалы диалектологической экспедиции в Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края, 1987.
- Васильева 2015 — *Р. И. Васильева*. Впечатления от поездки к есейским якутам // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2015, 2 (11). С. 103—105.
- Воронкин 1966 — *М. С. Воронкин*. Есейский говор якутского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1966.
- Воронкин 1983 — *М. С. Воронкин*. О диалектном членении якутского языка // Советская тюркология. 1983, 5. С. 77—83.
- Воронкин 1999 — *М. С. Воронкин*. Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. Новосибирск: Наука, 1999.
- ДМВ 1966 — Диалектологические материалы, собранные в группе Вилюйских районов, 1966 // ИГиИПМНС СО РАН (рукопись в архиве).
- Долгих 1960 — *Б. О. Долгих*. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд. АН СССР, 1960.
- Долгих 1963 — *Б. О. Долгих*. Происхождение долган // Сибирский этнографический сборник. Т. V. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 92—141.
- Дыбо 2004 — *А. В. Дыбо*. К проблеме происхождения имитативных слов // Тюркская и смежная лексикология и лексикография. Сборник к 70-летию Кенесбая Мусаева. М.: ИЯз РАН, 2004. С. 68—76.
- Дыбо и др. 2025 — *А. В. Дыбо, Н. В. Малышева, А. В. Тимофеева, М. А. Осорова*. Диалектные наименования деревьев и кустарников в якутском языке: этимологические материалы // Урало-алтайские исследования. 2025, 56 (1). С. 21—59.
- Жиркова, Кривошапкина 1970 — *М. Т. Жиркова, В. Д. Кривошапкина*. Материалы экспедиции в Томпонский р-н. Анкеты, 1970.
- Забияко и др. 2012 — *А. П. Забияко, С. Э. Аниховский, Е. А. Воронкова, А. А. Забияко, Р. А. Кобызов*. Эвенки Приамурья: оленная тропа истории и культуры. Благовещенск: РИО, 2012.
- Иванов 1993 — *С. А. Иванов*. Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. Новосибирск: Наука, 1993.
- Иванов 2004 — *С. А. Иванов*. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Якутск: Изд. ЯФ СО РАН, 2004. Ч. 1: Фонетика. 2004.
- Иванова 1990 — *В. И. Иванова*. Двудольные растения окрестностей г. Якутска. Якутск: ЯГУ, 1990.
- ИОЛРЯ 2018 — *Л. Г. Кривошапкина, В. С. Кривошапкина, И. М. Кривошапкин*. Иллюстрированный определитель лекарственных растений Якутии. Тверь: ИПК Парето-Принт, 2018.
- Калужинский 1995 — *С. Калужинский*. Этимологические исследования по якутскому языку // *Philologia orientalis* 2. *Jacutica. Prace jakutoznawcze*. Warszawa: Wydawnictwo akademickie DIALOG, 1995.
- Коркина 1987 — *Е. И. Коркина*. Диалектологический вопросник якутского языка, собранный Е. И. Коркиной в Верхоянском районе, 1987.
- Коркина 1990 — *Е. И. Коркина*. Отчет о научно-исследовательской работе «Северо-Восточная диалектная зона якутского языка», 1990.
- Коркина 1992 — *Е. И. Коркина*. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. Новосибирск: Наука, 1992.
- Крашенинников 1755 — *С. П. Крашенинников*. Описание земли Камчатки. Т. I. СПб.: При Императорской академии наук, 1755.
- Кулаковский 1979 — *А. Е. Кулаковский*. Научные труды. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1979.
- Маак 1886 — *Р. К. Маак*. Вилюйский округ Якутской области. СПб.: Типография и хромофотография А. Траншеля [Стремянная, N 12], 1883—1887. Ч. 2. 1-е изд. 1886.
- Малышева 2024 — *Н. В. Малышева*. Происхождение лексики живой природы: ономазиология и этимология (якутский язык и его диалекты). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2024.
- Норманская 2006 — *Ю. В. Норманская*. Растительный мир. Деревья и кустарники. Географическая локализация прародины тюрков по данным флористической лексики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык. Картина мира пратюрка / *И. В. Кормушин, Г. Ф. Благова, А. В. Дыбо* и др. Т. VII. М.: Наука. 2006. С. 387—436.
- Парникова 1957 — *А. С. Парникова*. Расселение якутов в XVII — начале XX вв. Якутск: Якут. кн. изд., 1957.
- Рассадин 1980 — *В. И. Рассадина*. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980.
- Тимофеев 2003 — *П. А. Тимофеев*. Деревья и кустарники Якутии. Якутск: Бичик, 2003.
- Убрятова 1960 — *Е. И. Убрятова*. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. М.: Изд. АН СССР, 1960.

Широбокова 2001 — Н. Н. Широбокова. Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука, 2001.

Щербак 1994 — А. М. Щербак. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. СПб.: Наука, 1994.

Stachowski 1995 — М. Stachowski. Jakutisch und dolganisch *mas* 'Baum' // CAJ, 39/2. 1995. P. 271—274.

References

Achimova 2007 — А. А. Achimova. Altaisko-russkii slovar' zhivotnogo i rastitel'nogo mira gornogo Altaya. Ch. I. Rasteniya. Novosibirsk: Nauka, 2007. {A. A. Achimova. Altai-Russian dictionary of flora and fauna of the Altai Mountains. Part I. Plants. Novosibirsk: Nauka, 2007.}

Anikin 2000 — А. Е. Anikin. Ehtimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva; Novosibirsk: Nauka, 2000. {A. E. Anikin. Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: Borrowings from the Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic languages. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow; Novosibirsk: Nauka, 2000.}

BTSYaYa IX — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: V 15 t. T. IX: (Bukva S: söllöi — sehehn, буква h) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2012. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: In 15 vol. Vol. IX: (Letter S: ssöllöi — sehehn, letter h) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2012.}

BTSYaYa V — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: V 15 t. T. V: (Bukva K: küölehhis gyn — kehehchehreh) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2008. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulahan tyld'yt: In 15 vol. Vol. V: (Letter K: kuölehis gyn — keechere) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2008.}

BTSYaYa VI — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: V 15 t. T. VI: (Bukvy L, M, N) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2009. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'yt: In 15 vol. Vol. VI: (Letters L, M, N) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2009.}

BTSYaYa VII — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: V 15 t. T. VII: (Bukvy N', O, Ö, P) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2010. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'yt: In 15 vol. Vol. VII: (Letters Нь, О, Ө, П) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2010.}

BTSYaYa VIII — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: v 15 t. T. VIII: (Bukva S — söllöghör). Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2011. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'yt: In 15 vol. Vol. VIII: (Letter S — söllöghör). P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2011.}

BTSYaYa X — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: V 15 t. T. X: (Bukva T: t — töhüüleheh) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2013. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'yt: In 15 vol. Vol. X: (Letter T: t — tohyylee) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2013.}

BTSYaYa XI — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: v 15 t. T. X: (Bukva T: töttölöx — täätängnää) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2014. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'yt: In 15 vol. Vol. XI: (Letter T: töttölöx — täätängnää). P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2014.}

BTSYaYa XII — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: V 15 t. T. XII: (Bukvy U, Ü) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2015. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'yt: In 15 vol. Vol. XII: (Letters U, Y) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2015.}

BTSYaYa XIII — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: V 15 t. T. XIII: (Bukva Kh) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2016. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'yt: In 15 vol. Vol. XIII: (Letter X) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2016.}

BTSYaYa XIV — Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt: V 15 t. T. XIV: (Bukvy Ch, Y) / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2017. {Large explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaah ulakhan tyld'yt: In 15 vol. Vol. XIV: (Letters CH, Y) / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2017.}

Chordu 2011 — P. Kh. Chordu. Kratkii tematicheskii slovar' esseiskogo govora. Yakutsk: Sitim, 2011. {P. Kh. Chordu. Brief thematic dictionary of the Essey Dialect. Yakutsk: Sitim, 2011.}

DMV 1966 — Dialektologicheskie materialy, sobrannye v gruppe Vilyuiskikh raionov, 1966. In: IGIIPMNS SO RAN (rukopis'). {Dialectological materials collected in the group of Vilyuisky districts, 1966, a manuscript in the IGI SO RAN archive.}

Dolgikh 1960 — B. O. Dolgikh. Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v XVII veke. Moskva: Izd. AN SSSR, 1960. {B. O. Dolgikh. Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century. Moscow: Publishing house. USSR Academy of Sciences, 1960.}

Dolgikh 1963 — B. O. Dolgikh. Proiskhozhdenie dolgan. In: Sibirskii ehtnograficheskii sbornik. T. V. Moskva: Izdanie AN SSSR, 1963. S. 92—141. {B. O. Dolgikh. Origin of the Dolgans. In: Siberian ethnographic collection. T. V. Moscow: Izdanie AN SSSR, 1963. P. 92—141.}

DSYaS 1995 — Dialektologicheskii slovar' yazyka sakha: Dopolnitel'nyi tom. Sost. M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, YU. I. Vasil'ev. Novosibirsk: Nauka, 1995. {Dialectological dictionary of the Sakha language: Supplementary volume. M. S. Voronkin, M. P. Alekseev, Yu. I. Vasiliev. Novosibirsk: Nauka, 1995.}

DSYaYa 1976 — Dialektologicheskii slovar' yakutskogo yazyka / Sost. P. S. Afanas'ev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moskva: Nauka, 1976. {Dialectological dictionary of the Yakut language. P. S. Afanasyev, M. S. Voronkin, M. P. Alekseev. Moscow: Nauka, 1976.}

DTS 1969 — Drevnetyurkskij slovar' / Pod red. V. M. Nadelyaeva, D. M. Nasilova, E. R. Tenisheva, A. M. Shherbaka. Leningrad: Nauka, 1969. {V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shherbak (eds.). Old Turkic dictionary. Leningrad: Nauka, 1969.}

Dybo 2004 — A. V. Dybo. K probleme proiskhozhdeniya imitativnykh slov. In: Turuskaya i smezhnaya leksikologiya i leksikografiya. Moskva: IYaz RAN, 2004. P. 68—76. {A. V. Dybo. To the question of origins of imitatives. In: Turkic and related lexicology and lexicography. Moscow: IYaz RAN, 2004. P. 68—76.}

Dybo et al. 2025 — A. V. Dybo, N. V. Malysheva, A. V. Timofeeva, M. A. Osorova. Dialektnye naimenovaniya der'ev i kustarnikov v yakutskom yazyke: etimologicheskie materialy. In: Uralo-altajskie issledovaniya. 2025, 56 (1). S. 21—59. {A. V. Dybo, N. V. Malysheva, A. V. Timofeeva, M. A. Osorova. Dialect names of trees and shrubs in the Sakha language: etymological materials. In: Ural-Altaic Studies. 2025, 56 (1). P. 21—59.}

EhSMYa 2015 — G. D. Sanzheev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Ehtimologicheskii slovar' mongol'skikh yazykov: V 3 t. T. I: A—E. Moskva: IV RAN, 2015. {G. D. Sanjeev, M. N. Orlovskaya, Z. V. Shevernina. Etymological dictionary of the Mongolian languages: In 3 vol. Vol. I: A—E. Moscow: IV RAN, 2015.}

EhSTYa 1989 — Eh. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya. Ehtimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “Ж”, “Ж”, “Т”. Moskva: Nauka, 1989. {E. V. Sevortyan, L. S. Levitskaya. Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letters “Ж”, “Ж”, “Т”. Moscow: Nauka, 1989.}

ESTYa 2000 — L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy “К”. Moskva: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. {L. S. Levitskaya, A. V. Dybo, V. I. Rassadin. Etymological dictionary of the Turkic languages: Common Turkic and inter-Turkic stems starting with the letter “К”. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 2000.}

IOLRYa 2018 — L. G. Krivoschapkina, V. S. Krivoschapkina, I. M. Krivoschapkin. Illyustrirovannyi opredelitel' lekarstvennykh rastenii Yakutii. Tver': IPK Pareto-Print, 2018. {L. G. Krivoschapkina, V. S. Krivoschapkina, I. M. Krivoschapkin. Illustrated guide to medicinal plants of Yakutia. Tver: IPK Pareto-Print, 2018.}

Ivanov 1993 — S. A. Ivanov. Tsentral'naya gruppa govorov yakutskogo yazyka. Fonetika. Novosibirsk: Nauka, 1993. {S. A. Ivanov. The central group of dialects of the Yakut language. Phonetics. Novosibirsk: Nauka, 1993.}

Ivanov 2004 — S. A. Ivanov. Dialektologicheskii atlas yakutskogo yazyka: (svodnye karty). Yakutsk: Izd. YaF SO RAN, 2004. Ch. 1: Fonetika. 2004. {S. A. Ivanov. Dialectological atlas of the Yakut language: (summary maps). Yakutsk: Izd. YaF SO RAN, 2004. Part 1: Phonetics. 2004.}

Ivanova 1990 — V. I. Ivanova. Dvudol'nye rasteniya okrestnostei g. Yakutsk. Yakutsk: YaGU, 1990. {V. I. Ivanova. Dicotyledonous plants in the vicinity of Yakutsk. Yakutsk: YSU, 1990.}

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Kaluzhinskij 1995 — S. Kaluzhinskij. Etimologicheskie issledovaniya po yakutskomu yazyku. In: Philologia orientalis 2. Jacutica. Prace jakutoznawce. Warszawa: Wydawnictwo akademickie DIALOG, 1995.

Korkina 1987 — E. I. Korkina. Dialektologicheskii voprosnik yakutskogo yazyka, sobrannyi E. I. Korkinoi v Verkhoyanskoy raione, 1987. {E. I. Korkina. Dialectological questionnaire of the Yakut language, collected by E. I. Korkina in the Verkhoyansk region, 1987.}

Korkina 1990 — E. I. Korkina. Otchet o nauchno-issledovatel'skoi rabote “Severo-Vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka”, 1990. {E. I. Korkina. Report on the research work “North-Eastern dialect zone of the Yakut language”, 1990.}

Korkina 1992 — E. I. Korkina. Severo-vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka. Novosibirsk: Nauka, 1992. {E. I. Korkina. Northeastern dialect zone of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka, 1992.}

Krashennnikov 1755 — S. P. Krashennnikov. *Opisanie zemli Kamchatki*. T. I. Sankt-Peterburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1755. {S. P. Krashennnikov. Description of the land of Kamchatka. Vol. I. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1755.}

Kulakovskii 1979 — A. E. Kulakovskii. *Nauchnye trudy*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979. {A. E. Kulakovskii. Scientific works. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979.}

Maak 1886 — R. K. Maak. *Vilyujskij okrug Yakutskoj oblasti*. Sankt-Peterburg: Tipografiya i hromolitografiya A. Transhelya [Stremyannaya, N 12], 1883—1887. Ch. 2. 1-e izd. 1886. {R. K. Maak. Vilyuysky district of the Yakut region. St. Petersburg: Tipografiya i hromolitografiya A. Transhelya [Stremyannaya, N 12], 1883—1887. Part 2. Publ. 1. 1886.}

Malysheva 2024 — N. V. Malysheva. *Proiskhozhdenie leksiki zhivoi prirody: onomasiologiya i etimologiya (yakutskii yazyk i ego dialekty)*. Dis. ... dokt. filol. nauk. Moskva, 2024. {N. V. Malysheva. The origin of the vocabulary of living nature: onomasiology and etymology (Yakut language and its dialects). ThD thesis. Moscow, 2024.}

Normanskaya 2006 — Yu. V. Normanskaya. *Rastitel'nyi mir. Derev'ya i kustarniki*. Geograficheskaya lokalizatsiya prarodiny tyurok po dannym floristicheskoi leksiki. In: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov*. Pratyurkskii yazyk. Kartina mira pratyurka / I. V. Kormushin, G. F. Blagova, A. V. Dybo i dr. T. VII. Moskva: Nauka, 2006. S. 387—436. {Yu. V. Normanskaya. Flora. Trees and shrubs. Geographical localization of the ancestral homeland of the Turks according to floristic vocabulary. In: Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Proto-Turkic language. Proto-Turkic worldview / I. V. Kormushin, G. F. Blagova, A. V. Dybo, et al. Vol. VII. Moscow: Nauka, 2006. P. 387—436.}

Parnikova 1957 — A. S. Parnikova. *Rasselenie yakutov v XVII — nachale XX vv.* Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957. {A. S. Parnikova. Settlement of the Yakuts in the 17th — early 20th centuries. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1957.}

Pekarskii I — Eh. K. Pekarskii. *Slovar' yakutskogo yazyka*. T. I. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1958. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut Language. Vol. I. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1958.}

Pekarskii II — Eh. K. Pekarskii. *Slovar' yakutskogo yazyka*. T. II. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut Language. Vol. II. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959.}

Pekarskii III — Eh. K. Pekarskii. *Slovar' yakutskogo yazyka*. T. III. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959. {E. K. Pekarsky. Dictionary of the Yakut Language. Vol. III. Leningrad: Izdanie AN SSSR, 1959.}

Popov 2003 — G. V. Popov. *Etimologicheskii slovar' yakutskogo yazyka*. Chast' 1. Novosibirsk: Nauka, 2003. {G. V. Popov. Etymological dictionary of Sakha. Part 1. Novosibirsk: Nauka, 2003.}

Radlov 1905 — V. V. Radlov. *Opyt slovary tyurkskikh narechii*. T. III. Chast' 2. Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1905. {V. V. Radlov. Experience of a dictionary of Turkic dialects. Vol. III. Part 2. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1905.}

Rassadin 1980 — V. I. Rassadin. *Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh*. Moskva: Nauka, 1980. {V. I. Rassadin. Mongol-Buryat borrowings in the Siberian Turkic languages. Moscow: Nauka, 1980.}

Robbek, Robbek 2005 — V. A. Robbek, M. E. Robbek. *Ehvensko-russkii slovar' = Ehvehdy-nyuchidy törehruk: (svyshe 14 000 slov)*. Novosibirsk: Nauka, 2005. {V. A. Robbek, M. E. Robbek. Even-Russian dictionary = Evedy-nyuchid toreruk: (over 14 000 words). Novosibirsk: Nauka, 2005.}

Shcherbak 1994 — A. M. Shcherbak. *Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie tyurkskikh yazykov*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1994. {A. M. Shcherbak. Introduction to the comparative study of Turkic languages. St. Petersburg: Nauka, 1994.}

Shirobokova 2001 — N. N. Shirobokova. *Istoricheskoe razvitie yakutskogo konsonantizma*. Novosibirsk: Nauka, 2001. {N. N. Shirobokova. Historical development of Yakut consonantism. Novosibirsk: Nauka, 2001.}

SSTMYa 1975 — *Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: Materialy k etimol. slovaryu: V 2 t.* T. I: A—K / Otv. red. V. I. Tsintsius. Leningrad: Nauka, 1975. {Comparative dictionary of the Tungus-Manchu Languages: Materials for the Ethimological Dictionary: In 2 vol. Vol. I: A—K / V. I. Tsintsius (ed.). Leningrad: Nauka, 1975.}

Stachowski 1993 — M. Stachowski. *Dolganischer Wortschatz*. Kraków, 1993.

Stachowski 1995 — M. Stachowski. *Jakutisch und dolganisch mas 'Baum'*. In: CAJ, 39/2. 1995. P. 271—274.

Stachowski 1998 — M. Stachowski. *Dolganischer Wortschatz. Supplementband*. Kraków, 1998.

Timofeev 2003 — P. A. Timofeev. *Derev'ya i kustarniki Yakutii*. Yakutsk: Bichik, 2003. {P. A. Timofeev. Trees and shrubs of Yakutia. Yakutsk: Bichik, 2003.}

TMN 4 — G. Doerfer. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. 4. Wiesbaden: Harrassowitz, 1975.

TSYaYa I — *Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt'a: V 15 t.* T. I: Bukva A / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2004. {Explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt'a: In 15 vol. Vol. I: Letter A / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2004.}

TSYaYa II — *Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt'a: V 15 t.* T. II: Bukva B / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2005. {Explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'yt'a: In 15 vol. Vol. II: Letter B / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2005.}

TSYaYa III — Tolkovyĭ slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ytā: V 15 t. T. III: Bukva G—I / Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2006. {Explanatory dictionary of the Yakut language = Sakha tylyn byhaaryylaakh ulakhan tyld'ytā: In 15 vol. Vol. III: Letter G—I / P. A. Sleptsov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 2006.}

Ubryatova 1960 — E. I. Ubryatova. Opyt sravnitel'nogo izucheniya foneticheskikh osobennostei yazyka naseleniya nekotorykh raionov Yakutskoi ASSR. Moskva: Izdanie AN SSSR, 1960. {E. I. Ubryatova. Experience in a comparative study of the phonetic features of the language of the population of some regions of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic. Moscow: Izdanie AN SSSR, 1960.}

Vasil'ev 1984 — Yu. I. Vasil'ev. Anketnye dannye po govoru Allaikhovskogo raiona, 1984. {Yu. I. Vasiliev. Questionnaire data on conversation in the Allaikhovsky district, 1984.}

Vasil'ev 1987 — Yu. I. Vasil'ev. Materialy dialektologicheskoi ehkspeditsii v Tuguro-Chumikanskii raion Khabarovskogo kraya, 1987. {Yu. I. Vasiliev. Materials of the dialectological expedition in the Tuguro-Chumikansky district of the Khabarovsk Territory, 1987.}

Vasil'eva 2015 — R. I. Vasil'eva. Vпечатleniya ot poezdki k esseiskim yakutam. In: Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2015, 2 (11). S. 103—105. {R. I. Vasilyeva. Impressions from a trip to the Essey Yakuts. In: North-Eastern Humanitarian Bulletin. 2015, 2 (11). P. 103—105.}

Vasilevich 1958 — Ehvenkiisko-russkii slovar' / Sost. G. M. Vasilevich. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958. {Evenki-Russian dictionary / G. M. Vasilevich. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958.}

Verbiczkij 1884 — V. I. Verbiczkij. Slovar' altajskogo i aladagskogo narechij tyurkskogo yazyka. Kazan', 1884. {V. I. Verbiczkij. Dictionary of Altai and Aladag dialects of the Turkic language. Kazan, 1884.}

Voronkin 1966 — M. S. Voronkin. Yeseyskiy govor yakutskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Baku, 1966. {M. S. Voronkin. Yesei dialect of Yakut. Doctoral thesis. Baku, 1966.}

Voronkin 1983 — M. S. Voronkin. O dialektnom chlenenii yakutskogo yazyka. In: Sovetskaya tyurkologiya. 1983, 5. S. 77—83. {M. S. Voronkin. On the dialect division of the Yakut language. In: Soviet Turkology. 1983, 5. P. 77—83.}

Voronkin 1999 — M. S. Voronkin. Dialektnaya sistema yazyka Sakha: Obrazovanie, vzaimodeistvie s literaturnym yazykom i kharakteristika. Novosibirsk: Nauka, 1999. {M. S. Voronkin. Dialect system of the Sakha language: Education, interaction with literary language and characteristics. Novosibirsk: Nauka, 1999.}

Zabiyako i dr. 2012 — A. P. Zabiyako, S. Eh. Anikhovskii, E. A. Voronkova, A. A. Zabiyako, R. A. Kobyzov. Ehvenki Priamur'ya: olennaya tropa istorii i kul'tury. Blagoveshchensk: RIO, 2012. {A. P. Zabiyako, S. E. Anikhovsky, E. A. Voronkova, A. A. Zabiyako, R. A. Kobyzov. Evenki of the Amur region: deer trail of history and culture. Blagoveshchensk: RIO, 2012.}

Zhirkova, Krivoshepkina 1970 — M. T. Zhirkova, V. D. Krivoshepkina. Materialy ehkspeditsii v Tomponskii r-n. Anketny, 1970. {M. T. Zhirkova, V. D. Krivoshepkina. Materials of the expedition to the Tomponsky district. Questionnaires, 1970.}